

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№8 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №8 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 68.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Е.В. Асмолова, М.А. Волхонская, С.С. Терехова* ПСИХОЛОГИЗМ ТОПОСА В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «НЕНАСТЬЕ» 5
- М.Д. Веслополова* ХРОНОТОП РАЙСКОГО САДА В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 1850-1870-Х ГГ. 8
- С.Ф. Меркушов* АБСУРДИСТСКАЯ ПРИРОДА ЦИКЛА Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ПОГРАНИЧНЫЕ СКАЗКИ ПРО КОТЯТ» 11
- С.Ф. Меркушов* АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МИРОВ «ЗАГАДОЧНЫХ СКАЗОК» Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ: ДЕТСКИЙ МИР КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ, ВЗРОСЛЫЙ МИР КАК АБСУРД 14
- Хэ Фань* СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ БАНАЛЬНОЙ РИФМЫ «ТЕНЬ-ДЕНЬ» В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ МОТИВНО-ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ СТИХОТВОРЕНИЯ «НАПОЛЕОН») 17

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

- А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Н. Зигитбаев, Д.А. Зайцев, Л.Р. Валиахметова, Э.Р. Шаяхметова, Р.Ф. Рахимова, Е.А. Селиванова, Д.Д. Саидова* ВКЛАД ЧЛЕНА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР А.Г. ШАМАЕВА В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА 24
- Е.Т. Чамзырын* ТВОРЧЕСТВО ТУВИНСКОГО ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Э. КЕЧИЛ-ООЛА 27
- Ю.В. Шуйская* СТРУКТУРА ДИСКУРСА РАЗВЕРНУТОЙ АННОТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ О КИНО 32

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

- Л.К. Байрамова* ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОДЫ ОБРАЗНЫХ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О РОДИНЕ 35
- Н.А. Бурмакина, А.Д. Гончарова, Н.А. Карелина, О.С. Хлякин* ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА В РЕЧИ СТОМАТОЛОГА 40

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Б.Б. Базарова, Н.А. Бохач* ОБРАЩЕНИЕ К КОРПУСУ В КУРСЕ ПЕРЕВОДА 43
- Н.В. Гревцева, Н.А. Князев, Е.Н. Мельникова* АББРЕВИАТУРЫ-ИННОВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 47
- Т.Е. Краутман* ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ 50
- М.В. Носкова, Ю.Н. Карыпкина* ОБРАЗНОЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРИЗНАКА «ГЛУХОЙ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 53

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- А.В. Гусейнова* ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ХАКАСОВ О ДУШЕ В ТЕКСТЕ НОВОГО ЗАВЕТА НА ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ 56
- О.А. Донскова, А.Э. Мирзаханова, Е.Н. Пронченко* РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «БРЕКСИТ» В ЕВРОПЕЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ 59

- АННОТАЦИИ** 63

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>E.V. Asmolova, M.A. Volkhonskaya, S.S. Terekhova</i> PSYCHOLOGISM OF A PLACE IN ALEXEY IVANOV'S NOVEL "NENAST'YE"	5
<i>M.D. Veslopolova</i> CHRONOTOPE OF THE GARDEN OF EDEN IN F. I. TYUTCHEV'S LYRIC OF THE 1850-1870-ES.	8
<i>S.F. Merkushev</i> THE ABSURDIST NATURE OF THE CYCLE OF L.S. PETRUSHEVSKAYA "THE BORDER TALES ABOUT KITTENS"	11
<i>S.F. Merkushev</i> THE AMBIVALENCE OF THE WORLDS "MYSTERIOUS TALES" BY L.S. PETRUSHEVSKAYA: CHILDREN'S WORLD AS A COMPLETE, ADULT WORLD AS ABSURD	14
<i>He Fan</i> SEMANTIC FUNCTION OF TEN'-DEN' (SHADE-LIGHT) RHYMES IN LERMONTOV'S LYRICS (FOR THE ARTISTIC FEATURES OF MOTIVE-IMAGERY SYSTEM OF THE «NAPOLEON» POEM)	17

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, R.N. Zigitbaev, D.A. Zaitsev, L.R. Valiakhmetova, E.R. Shayakhmetova, R.F. Rakhimova, E.A. Selivanova, D.D. Saidova</i> CONTRIBUTION OF THE MEMBER OF THE UNION OF USSR JOURNALISTS A.G. SHAMAYEVA IN DEVELOPMENT OF JOURNALISM OF BASHKORTOSTAN	24
<i>E.T. Chamzirin</i> THE CREATIVITY OF TUVAN CHILDREN'S WRITER E. KECHIL-OOL	27
<i>Yu.V. Shuyskaya</i> DISCOURSE STRUCTURE OF AN EXTENDED ANNOTATION ON THE EXAMPLE OF THE MOVIE PERIODICA	32

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>L.K. Bairamova</i> THE LINGUACULTURAL CODES OF THE PICTURESQUE COMPONENTS OF IDIOMS ABOUT NATIVE COUNTRY	35
<i>N.A. Burmakina, A.D. Goncharova, O.S. Khlyakin, N.A. Karelina</i> FUNCTIONAL COMMUNICATION QUALITIES IN THE DENTIST'S SPEECH	40

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>B.B. Bazarova, N.A. Bokhach</i> CORPUS APPROACH IN THE COURSE OF TRANSLATION	43
<i>N.V. Grevtseva, N.A. Knyazev, E.N. Melnikova</i> INNOVATIVE ABBREVIATIONS IN ENGLISH AND GERMAN POLITICAL DISCOURSE	47
<i>T.E. Krautman</i> LEXIC-GRAMMATIC TRANSFORMATIONS AT TRANSLATION OF TEXT OF LAW FROM ENGLISH TO RUSSIAN	50
<i>M.V. Noskova, Yu.N. Karypkina</i> FIGURATIVE LEXICAL-SEMANTIC FIELD WITH THE DOMINANT SEMANTIC SIGN "DEAF" IN THE ENGLISH LANGUAGE	53

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>A.V. Guseinova</i> REFLECTION OF TRADITIONAL VIEWS OF THE KHAKASS PEOPLE ABOUT THE SOUL IN THE TEXT OF THE NEW TESTAMENT IN THE KHAKASS LANGUAGE	56
<i>O.A. Donskova, A.E. Mirzakhanova, E.N. Pronchenko</i> REPRESENTATION OF THE GEOPOLITICAL CONCEPT OF BREXIT IN EUROPEAN MEDIA DISCOURSE	59

ABSTRACTS	63
------------------	----

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Е.В. Асмолова канд. филол. наук, М.А. Волхонская, С.С. Терехова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра литературы,
Калуга, evakaluga@mail.ru

ПСИХОЛОГИЗМ ТОПОСА В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «НЕНАСТЬЕ»

В работе рассматривается функциональное значение пейзажа для композиции романа Алексей Иванова «Ненастье». В ходе исследования делается вывод о том, что пейзажи в романе семантически бывают двух видов: реального (Батуев) и ирреального (Афганистан и Индия), а также рассматривается совершенно особое значение леса для всего творчества писателя, в котором лес выступает как особое пространство инициации героев.

Ключевые слова: Алексей Иванов, «Ненастье», пейзаж в литературе, инициация.

Алексей Иванов – уникальное явление в современной русской литературе. И связано это, в первую очередь, с проблемой творческого метода, сопротивляющегося однозначной оценке. Как заметил М. Кронгауз, говоря о романах «Географ глобус пропил» и «Сердце Пармы»: «Ни одна лингвистическая экспертиза не показала бы, что это произведения одного автора... Нет ничего общего на уровне лексики. Приходится говорить не о языке автора, а о языке отдельного романа» [2].

Порой складывается впечатление, что все романы были созданы разными авторами. Но есть в творчестве Иванова черты, которые определяют именно его «почерк». И одна из них, без сомнения, уникальная манера описания природы. Значение природного мира, а в особенности – мира леса очевидно не только в таких романах как «Тобол» или «Сердце Пармы», но и в «Блуда и МУДО», и в «Пищеблоке», однако на сегодняшний день в литературоведении значение топоса леса в «Ненастье» представляется недостаточно изученным.

Целью данной работы является проанализировать описание пейзажа на предмет раскрытия в них авторского замысла.

Пейзаж в художественном произведении – едва ли не главное средство, позволяющее выразить исключительное представление человека о мире и о самом себе. Введение в повествование мотивов природы не только расширяют фактическое пространство произведения, но и даёт автору практически бесконечное количество возможностей работы с подтекстом посредством выявления метафорических связей природы и человека или, шире, создания особого философского космоса.

Роль природы и в особенности леса очевидна не только в таких романах как «Географ глобус пропил», «Тобол», «Сердце Пармы», но и в «Блуда и МУДО» и в «Пищеблоке», и в «Ненастье». Подробнее хотелось бы остановиться на последнем из перечисленных.

В литературоведческих работах, посвященных анализу романа «Ненастье», авторами справедливо рассматривается важность самой деревни Ненастье как пространства одновременно реального, но в то же время являющегося метафорическим выражением душевного состояния героев [8]. Однако не Ненастье является местом духовной трансформации героев. Впервые главный герой размышляет о возможных последствиях своего решения после того, как заложил тайник в лесу [3].

Для романа, безусловно, важен мотив дороги [9], а тишина, впервые обозначившая себя в самом начале произведения, будет окружать главного героя на протяжении всего повествования.

Герман Неволин кажется простым только для остальных персонажей романа, читателю же автор сразу показывает его как личность сложную, с развитой системой мотивировки поступков. Подзаголовок романа «В каком ненастье ты пропал без вести, солдат?» как бы задает единственную трактовку образа: Ненастье – не место, а состояния души, и поэтому уйти из него никак нельзя.

Но сам текст романа этому противоречит.

В романе есть пять обобщенных мест, в которых происходит повествование: Батуев, Ненастье, Афганистан, Индия и лес.

При анализе психологической функции этих топосов и их систематизации Афганистан и Индия могут быть объединены как ирреальное пространство сна. Первый – лишь воспоминание. Индия же, напротив, представляет собой сказочную страну, описанную в ярких красках. И Афганистан, и Индия в сознании героя не существуют как реальные топосы – они скорее лишь точки на карте памяти: прошлое, в котором Неволин обрел уже несуществующего командира, и недостижимая мечта в будущем, которая на самом деле не имеет под собой обоснования. Ведь если главный герой задумал ограбление инкассаторской машины ради возможности увезти Танюшу в Индию, то неучтенным остается факт абсолютной ненужности Индии Танюше.

Батуев и Ненастье же, на первый взгляд, представляют собой не только реальные, но также и значимые для развития сюжета топосы, однако они могут быть объединены и по принципу отсутствия в них идеи духовной эволюции главного героя.

Герман действительно не смог уехать из Батуева и покинуть награбленные и спрятанные в Ненастье деньги, оказавшись как будто в плену. Но по-настоящему пленением можно считать сцены его жизни в Батуеве, лишенные глубокой эмоциональной вовлеченности, в противовес которым с особенной яркостью и живостью выписаны сцены в лесу [4].

О привязанности Танюши к лесу в романе упоминается не раз, именно любовь к нему упоминается как одна из причин продажи дачи: Танюша изжила в себе детскую любовь к Ненастью, а в любимый лес можно ездить, и не имея дачи.

Мотив леса постоянно повторяется в произведении, герой раз за разом оказывается в нем, и каждый раз контраст с как будто реальной жизнью в Батуеве становится все отчетливее. Эта изнанка мироощущения героя, раз за разом проступающая даже в описании городских сцен (так в сцене захвата афганцами дебаркадера, описание природы нет-нет, а возникает лишь видимость живого леса [4].

Эти постоянные повторы мотива создают особую поэтику повествования, схожую с фольклорной традицией. Так Г. Мальцев об особом творческом методе фольклора пишет: «Многосторонняя заданность текста, его канонический характер наиболее рельефно проявляется в наличии разного рода устойчивых, повторяющихся элементов, т.е. художественный стереотип» [7], а, учитывая интертекстуальные связи со «Словом о полку Игореве», о которых пишет И. Сухих [8], мы можем говорить об удивительно дихотомии мира «Ненастья», основанного на еще природном мироощущении.

Более того, тишина, которая захватила героя по пути в Ненастье и сопровождала его на протяжении всего повествования, оказывается разрушенной словами Танюши: «Однажды все было так хорошо, так пахли малиной губы Танюши, так весело сияли мелкие облака над рощей, что Танюша вдруг прошептала на ухо Герману свою самую страшную-престрашную тайну: -- Знаешь, мне до сих пор кажется, что у меня все еще будет...» [4]. Это самое эмоционально сильное место на всем протяжении пути духовного сближения читателя и героев романа, и неслучайно, что эта инициация происходит и с главным героем, и с читателем именно в лесу, который здесь выступает уже не топосом и даже не поэтическим приемом, но настоящим Иным миром, о котором говорит Дж. Кэмпбелл [6], когда указывает на необходимость личностного перерождения Героя на его пути.

Это откровение, полученное Неволным в лесу, запустило для главного героя цепь событий, приведших к реализации одного из древнейших сюжетов – самоубийства бога: «Герман лежал на дороге в странном полуобморочном и блаженном тепле, словно бы начал

вращать в землю, и от этого было хорошо. Он молча смотрел на Танюшу, прижимая рукой ее ладошку к своей скуле. «Индия не получилась, родная моя, -- хотел сказать он. – Но я увел тебя из Ненастья». // Рассвет разгорался невообразимо далеко от деревни Ненастье – над хребтами Гиндукуша, над побережьем Малабара. Ненастье пока еще лежало в темноте этой долгой субботы. Хотя на Земле, пусть и очень далеко, все равно уже началось воскресенье.»

Таким образом, можно говорить о том, что роман «Ненастье» -- сложный комплекс мифопоэтических методов, с помощью которых герои не преодолевают свое личное ненастье, как полагает главный герой, а постигают его, последовательно оказываясь в нескольких топосах, каждый из которых представляет собой для главного героя испытание, цель которого – постижение ненастья для дальнейшего, обещанного автором, воскресения.

Список литературы

1. *Беляков С.* Географ и его боги // Вопросы литературы. — 2010. — № 2. - С.8-22.
2. *Иванов А.В.* Ненастье. – М.: АСТ, 2019. - С.21-22.
3. *Иванов А.В.* Ненастье. – М.: АСТ, 2019. - С. 139.
4. *Иванов А.В.* Ненастье. – М.: АСТ, 2019. - С. 452.
5. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой // Мастера психологии. - Питер, 2016. - С. 83.
6. *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. – Ленинград: Наука, 1989. - С. 35-42.
7. *Сухих О.С.* Символика названия А. Иванова «Ненастье» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017.- С.234-239.
8. *Сухих О.С.* «По былинам времени сего...» (Мотивы «Слова о полку Игореве» в романе А.Иванова «Ненастье») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. - С. 80-84.
9. *Фон Франц М.-Л.* О снах и смерти. М.: Кастилия, 2016. - С. 37.

10.01.01

М.Д. Веслополова

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, zord-18@yandex.ru

ХРОНОТОП РАЙСКОГО САДА В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 1850-1870-Х ГГ.

В статье рассмотрены характеристики хронотопа райского сада в лирике Ф. И. Тютчева на примере стихотворений «Пошли, Господь, свою отраду...», «Как ни дышит полдень знойный...», «Пламя рдеет, пламя пышет...». Пространство этих текстов построено на основе антитезы небесного и земного, однако организовано горизонтально. Это объясняется его мнимым характером, существованием на границе между реальностью и сном.

Ключевые слова: *хронотоп, антитеза земного и небесного, горизонтальная организация пространства.*

Человек в лирике Ф. И. Тютчева занимает особое положение в пространстве и времени: он находится на границе, «на пороге как бы двойного бытия» [3, с. 75] между небом и землей, временем и вечностью, современностью и историей. Описывая двойную природу человека в художественном мире Тютчева, Ю. М. Лотман указывает на значимость «антитезы земного и небесного» [1, с. 125], именно она организует художественный мир стихотворений с хронотопом райского сада. Лирический герой душой стремится к небесному блаженству, но сердце «волнуют страсти роковые» [3, с. 75], земной мир представляется ему хаотичным, но покинуть его он не может. Это романтическая коллизия: сфера небесного по-настоящему недостижима, а земная жизнь не гармонична, полна «клокочущих страстей» [Там же, с. 9]. Пространство райского сада, в котором оказывается герой Тютчева, – это пространство сна («сладкий сумрак полусонья» [Там же, с. 21], «я брожу как бы во сне» [Там же, с. 69], «дремотою обвеян я» [Там же, с. 70]), оно мнимое, но позволяет человеку отрешиться от обыденной жизни. Это земные сны о небе, поэтому пространство стихотворений, содержащих хронотоп райского сада, организовано горизонтально: в них противопоставлены «знойная мостовая» и «сад» [3, с. 19], «полдень знойный» и «храмина» [Там же, с. 21], «там» и «тут» [Там же, с. 69], «жизнь» и «здесь» [Там же, с. 160], часто разделенные границей: оградой сада, окном комнаты, рекой.

Так как вечное блаженство при жизни человека недостижимо, ему остаются лишь краткие мгновения, когда он может отрешиться от кипящих внутри него страстей. Так формируется время в стихотворениях о райском саде – это остановленное, растянутое мгновение («Дремотою обвеян я – / О, время, погоди!» [3, с. 70]).

Наиболее полно хронотоп райского сада описан в стихотворении «Пошли, Господь, свою отраду...» (июль 1850 г.). Пространство этого текста поделено на две части: первая – это «жесткая мостовая» [3, с. 19], по которой бредет герой, вторая – сад. Они разделены «оградой», через которую герой «смотрит вскользь» [Там же]. В стихотворении кольцевая композиция, организованная за счет повтора первого и последнего катрена, причем второй стих варьируется при повторе: «Тому, кто в летний жар и зной» из первого катрена превращено в «Тому, кто жизненной тропой» [Там же]. Так в конце стихотворения автор подчеркивает, что вся картина, нарисованная им, – иносказание, метафора. «Жесткая», «знойная мостовая» – это жизнь человека, а сад, в который он не может зайти, а только «смотрит вскользь» – это сфера небесного, рай. Человек, бредущий «жизненной тропой», лишен покоя и счастья и похож на «бедного нищего».

Противопоставлен «жизненной тропе» сад, который описывается прохладным: в нем есть «тень деревьев, знак долин», «прохлада роскошных, светлых луговин», «гостеприимная сень деревьев», «лазурный грот», «туман» и «пыль росистая фонтана» [3, с. 19]. Отметим это противопоставление «жара и зноя», свойственного земной жизни, и прохлады, тенистости, влажности райского сада. Данные характеристики будут повторяться в других стихотворениях этой группы.

Стихотворение «Как ни дышит полдень знойный» (июль 1850 г.) отличается от предыдущего сменой позиции героя, находящегося внутри, а не снаружи, а также сменой его роли: «бедный нищий» превращается здесь во «влюбленного поэта» [3, с. 21]. Пространство этого стихотворения – сумрачная комната с «растворенным окном» как границей между двумя мирами. За окном – земная жизнь, «полдень знойный». «Полдню» противопоставлена «эта хранина», «где все тихо и темно», «спокойно». Атмосфера этой комнаты описывается как «сладкий сумрак», где «живые благовонья // Бродят в сумрачной тени» [Там же]. Это атмосфера отдыха («погрузись и отдохни»), мечты («веет легкая мечта»). Так же, как и райский сад, эта комната спасает от зноя, в ней тоже есть фонтан, который «кропит росой незримой / Очарованную мглу» [Там же].

В описании этого гармоничного пространства автор настойчиво подчеркивает темноту, сумрак: «темно», «сумрачная тень», «сладкий сумрак полусонья», «очарованная мгла», «мерцанье полусвета» [Там же]. Противопоставление сумрака и полдня очень характерно для поэзии Тютчева: день, полдень ослепляет и оглушает героя, и только в темноте, в сумраке он способен сосредоточиться на самом себе, своих мыслях и мечтах (ср. из «Silentium!»: «Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум – / Их оглушит наружный шум, / Дневные разгонят лучи» [2, с. 123]). Сумрачная атмосфера мотивирована и темой: это любовное стихотворение. Летом 1850 года, когда написан этот текст, начинаются отношения Тютчева и Е. А. Денисьевой. Они должны оставаться тайной, потому что поэт женат, а возлюбленная значительно младше его, однако Тютчев написал несколько стихотворений, посвященных своим чувствам: «На Неве» (июль 1850), «Как ни дышит полдень знойный...» (июль 1850), «Под дыханьем непогоды...» (12 августа 1850). Атмосфера этих стихотворений – ночь, сумрак комнаты, пасмурный вечер – темнота, которая должна хранить тайну влюбленных. Не случайно слово «тайна» упоминается в первых двух стихотворениях: «Дивно-пышная волна, / Приюти в своем просторе / Тайну скромного челна!» [3, с. 20] («На Неве»), «тайной страстью занята» [Там же, с. 21] мечта влюбленного поэта в стихотворении «Как ни дышит полдень знойный...».

Пространство стихотворения «Как ни дышит полдень знойный...» содержит в себе те же характеристики, что и сад в стихотворении «Пошли, Господь, свою отраду...»: противопоставленность «полдню знойному» (ср. «жар и зной» [3, с. 19]), тень, «незримая роса» от фонтана (ср. «пыль росистая фонтана» [Там же]). Разница заключается в том, что в предыдущем тексте герой ощущал себя находящимся вне пространства гармонии, а теперь он находится внутри него: любовь превращает героя из «бедного нищего» во «влюбленного поэта». Начало отношений с Денисьевой, поэтическая тайна делают «райский сад» не просто тенистым, а темным, сумрачным, но эта мгла «очарованная».

Схожие характеристики пространства сохраняются в стихотворении «Пламя рдеет, пламя пышет...» (лето 1855 г.), которое так же, как предыдущее, относится к любовной лирике Тютчева и посвящено Денисьевой. Пространство этого текста разделено на «тут» и «там», между ними течет речка. «Тут» «темный сад», который «прохладой дышит», «сумрак», а на другом берегу «Пламя рдеет, пламя пышет, / Искры брызжут и летят», «жар», «дым за дымом» [3, с. 69]. Два пространства различаются звуками: «В покое нерушимом / Листья веют и шуршат» в саду, а на другом берегу «крики», «треск за треском» [Там же]. «Темному саду» в этот раз, по-видимому, противопоставлен жаркий и шумный город (или, по версии Ю. Н. Чумакова, пожарище [4, с. 306]), в котором «трубы голые торчат» (в противоположность «голым трубам» в саду – деревья, чьи листья «веют и шуршат»). Жар и крики, треск и дым, хаос обыденной жизни противопоставлены «покою нерушимому», в

котором находится герой: «Я брожу, как бы во сне» [3, с. 69]. Как в предыдущем стихотворении «полдень знойный» «дышит» в окно, но не может нарушить гармонии, так и здесь «жар и крики» не волнуют лирического героя, потому что темный сад «дышит прохладой», «дыханье» листьев и «страстный говор» возлюбленной погружают его в гармоничное состояние, позволяют отрешиться от обыденной жизни: «Слава Богу, я с тобою, / А с тобой мне – как в раю» [Там же]. По мнению Чумакова, этот текст содержит уникальный для поэта лирический сюжет, «где обретенное счастье не утрачивается, а дважды в концах строф утверждается в своей нерушимой – райской! – полноте» [Там же, с. 305]. Такой сюжет действительно редко встречается в поэзии Тютчева, однако он весьма характерен для группы стихотворений, связанных хронотопом райского сада.

Итак, пространство райского сада обладает следующими характеристиками: тень (деревьев или сводов комнаты); прохлада как противоположность жару, зною, пламени, которые связаны со страстями земной жизни; вода (фонтан, речка, в других стихотворениях – озеро («Осенней поздней порою...», «Тихо в озере струится...»)); отделенность от обыденной жизни, граница (ограда сада, окно, речка). В этом пространстве герой находится в особом состоянии покоя, гармонии, это состояние похоже на сон («сладкий сумрак полусонья» в стих. «Как ни дышит полдень знойный...», «Я брожу как бы во сне» в стих. «Пламя рдеет, пламя пышет...»).

В стихотворениях, рассмотренных в данной статье, в состояние гармонии героя погружает любовное чувство. В других текстах, содержащих хронотоп райского сада, отрешиться от земных проблем и почувствовать «самозабвения земного благодать» [3, с. 70] герою помогает природа («Так, в жизни есть мгновения...», «Смотри, как роща зеленеет...»), любовь к своей стране и память о ее великом прошлом («Осенней поздней порою...», «Тихо в озере струится...»), женская красота («И в нашей жизни повседневной...»), искусство («Поэзия»).

Список литературы

1. *Лотман Ю.М.* Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана. – Таллин, 1990. – С. 108-146.
2. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 1 / Сост. В. Н. Касаткина. — М., 2002. – 528 с.
3. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 2 / Сост. В. Н. Касаткина. — М., 2003. – 640 с.
4. *Чумаков Ю.Н.* Принцип «Перводеления» в лирических композициях Тютчева // Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассмотрений. – М., 2008. – С. 299-311

10.01.01

С.Ф. Меркушов канд. филол. наук

Тверской государственный университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

АБСУРДИСТСКАЯ ПРИРОДА ЦИКЛА Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ПОГРАНИЧНЫЕ СКАЗКИ ПРО КОТЯТ»

В статье представлена трактовка художественных особенностей цикла Л.С. Петрушевской «Пограничные сказки про котят» как некоего «семантического эксперимента» (термин А.Г. Герасимовой), специфика которого в переосмыслении и трансляции открытий творческого объединения ОБЭРИУ в новой своеобразной художественной форме.

Ключевые слова: Л.С. Петрушевская, «Пограничные сказки про котят», абсурд, ОБЭРИУ.

Освоение онтологии абсурда Л.С. Петрушевская начала уже в своих первых литературных опытах, связанных с драматургией и малым эпосом. Пьесы «Уроки музыки», «Три девушки в голубом», «Квартира Коломбины» и др. несут на себе отпечаток онтологического абсурда с характерными чертами западного «Театра абсурда» — прежде всего акцентуацией на нелогичности и нетождестве. В драматургии Л.С. Петрушевской, согласно Н. Каблуковой, происходит трансформация реалистической поэтики путем ее совмещения с поэтикой драмы абсурда, что «<...> позволяет автору вывести главные коллизии современности к универсальным» [2: 294—295], подобно опытам С. Беккета, у которого абсурд служит способом отражения вселенского хаоса.

Так же, как и пьесы, малая и крупная проза Л.С. Петрушевской содержит заметные онтологический и аксиологический элементы абсурда («Гигиена», «Свой круг», «Бедное сердце Пани», «Странная история мужа и жены», «Падение вниз», «Богиня»; «Время ночь», «Номер один, или В садах других возможностей», «Нас украли: история преступлений» и др.).

«Пограничные сказки про котят» Л.С. Петрушевской написаны в достаточном соответствии с абсурдистской поэтикой ОБЭРИУ. Каждый текст представляет собой семантический эксперимент (по терминологии А.Г. Герасимовой [1: 27]), реализующий, обобщающий, переосмысливающий и транслирующий ряд открытий этого небывалого и феноменального творческого объединения, представляющего собой совершенно аномальное (в хорошем смысле) для мировой литературы явление.

Л.С. Петрушевская, создавая «Пограничные сказки про котят», возможно, ненамеренно, руководствуется предположением А.И. Введенского о том, что «Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни» [3:]. Недаром в номинации сказок есть указание не только на их жанровое своеобразие, но отсылка к трансцендентальности, стремление сфокусироваться на метафизической природе сказочного жанра. Исследование пограничных ситуаций способствует снятию флера с читательского восприятия, вследствие чего читателю предоставляется возможность обрести определенный сверхчувственный опыт или подтвердить уже имеющийся и выйти на новый, более высокий, духовный уровень осознания реальности.

Но данные сказки комичны, очевидно смешны, более того, в них ощущается «обэриутское отношение к смешному», предстающее, по А. Герасимовой, «в трех взаимосвязанных аспектах», которые необходимо привести здесь всё же в купированном виде, т.к. отдельные их элементы не могут являться характеристиками художественного абсурда «Пограничных сказок...» в силу разных причин. Итак, это:

1. Аспект эстетический — ироническая поэтика, возникающая как негативная реакция на существующие формы художественного выражения и проявляющаяся <...> на словесном уровне (пародия) <...>.

2. Аспект философско-лингвистический — смешное как констатация невозможности вербальной реализации невербального опыта (поэтика случайного и невозможного): нарочитый инфантилизм, навязчивый повтор, неадекватность действий, иррациональные сравнения и определения, ложная мотивировка и пр.).

3. Аспект этический — смешное как близнец, эвфемизм, амбивалентный двойник страшного (черный юмор, морализм, травестирированная эсхатология). [1: 28].

Первый аспект, свойственный, согласно А. Герасимовой, творчеству Н.М. Олейникова, ревизован у Л.С. Петрушевской в общей пародийности «Пограничных сказок...». На поверхности — пародии на русскую и советскую литературную классику, знакомую всем по школьной программе. Объектом пародии прежде всего выступают произведения И.С. Тургенева («Муму»), Л.Н. Толстого («Анна Каренина»), Д.А. Фурманова («Чапаев»). Путем модификации контекста и гиперболизации ключевых моментов наиболее известных эпизодов этих текстов создается комизм уже новых, оригинальных ситуаций сказок, нередко выглядящих как своего рода продолжения знаменитых историй. Так, в одной из сказок («Анна К.») выведена некая Анна К., которую «все паровозы знают и ездят очень осторожно, путают расписания, опаздывают всю дорогу, тормозят и т.д., она террористка и типа шахидка, нападает на поезда» [4: 177]. Специфично также появление в сказке «Мумия» персонажа Тургенева, который впоследствии станет одним из главных во всем цикле вместе с Полиной Виардо, с мумией Муму: «Мумия вышла из мешка, глазки стеклянные, сама кошмарная до уродства, какая-то облизанная. Буквально как из воды вынутая. В глазах бегают цифры, наконец останавливаются на нулях.

Это, как объяснил Тургенев, показатели глубины. Муму стала подводницей» [4: 179].

Надо сказать, что направленность и характер пародии Л.С. Петрушевской предельно широки. Пародируются также основные особенности советских литературных жанров (в частности, производственного романа, военной и деревенской прозы), обыгрывается жанровый инструментарий иных видов искусства, более всего китчевого, ориентированного на сознание масс (к примеру, плакатного жанра («Родина-Мать зовет»); «низких телевизионных» жанров и жанров видеоигр («Реалити-шоу», «Война котят за ящик»). Обращение к пародии здесь связано с апелляцией к способности читателя к самостоятельному и аналитическому мышлению, умением взглянуть на хрестоматийные, канонические культурные реалии с критической точки зрения или оценить должным образом навязываемые с экранов образы и способы существования. Л.С. Петрушевская, с помощью пародирования названных явлений расширяя сознание читателя, сквозь призму абсурда вызывает к здравому смыслу в лучшем значении этого сочетания.

Абсурд в философско-лингвистическом аспекте (присущий творчеству Д.И. Хармса) реализуется в «Пограничных сказках...» также вполне экстремально. Общая инфантильная атмосфера сказывается в характерном для детской и абсурдистской литературы особом типе причинности, специфика которой либо в полном отсутствии детерминации («Возвращаются котятка наши пограничники с новостью, что Полина Виардо в сарае на сушилах родила корову. Как корову? Так» [4: 182]), либо в абсолютной магической и иррациональной ее природе («Когда эта А. Каренина идет, она не видит ничего и кидается, к примеру, под овощной ларек. Потому что она теперь ходит затылком-то вперед» [4: 192]). Принципиальная неадекватность происходящего в сказках, опять же, связана с ассоциативностью и анимизмом детского восприятия действительности. К примеру, стиральная машина благодаря соответствующим ассоциациям становится машиной транспортной, более того, подводной лодкой: «Дедушка Володя Шванц погрузился в нее первым, захлопнулся и хотел трогаться, но машина оказалась стиральная, очень быстро завертелась, дедушка Сережа Шварц наглотался гаек и ситечко какое-то погнул, короче: остановился. Стучит в смотровое окошечко и знаками передает, что это подлодка!» [4: 217]. Примеры алогичных

уподоблений, решений, аргументаций, сопутствующих бесконечной энергетической циркуляции «Пограничных сказок...», можно множить с аналогичной же регулярностью и неисчерпаемостью.

Специфичный для текстов Д.И. Хармса деструктивный базис присутствует и в рассматриваемых на формальном и содержательном уровнях. В частности, у персонажей наблюдаются различного рода телесные деформации, влекущие психологические искажения (два лица (и, соответственно, два имени) у одного из центральных героев — дедушки Сережи Шварца (Володи Шванца); помещенный в трехлитровую банку писатель И.С. Тургенев не вследствие своих размеров, а беспричинно, и т.п.), сказки изобилуют лингвистическими неправильностями, основанными на специфике рецепции информации детьми и напоминающими слова восточных языков, вроде «ухо тяка сите» (уходя гасите) («Ухо тяка сите»), «аяша» (а я Жан) («Шушенское») и мн. др. Функционал деструктивного мотивного комплекса в целом тот же, что и у главных русских абсурдистов — через всевозможные трансформации попытка возвращения к внутренней и внешней цельности, к гармонизации окружающего хаоса, в стремлении к абсолюту.

Фигурирует в «Пограничных сказках...» и третий аспект поэтики ОБЭРИУ, а конкретнее, поэтики произведений А.И. Введенского, — этический. Л.С. Петрушевская проникает в глубинные пределы осмысления экзистенциальных и эсхатологических граней человеческой души и мироздания. Писательница приоткрывает двери восприятия читателя уже в первой сказке («История троюродной кошки»), имплицитно представляя котят как пограничников мира видимого и мира скрытого. В этом она следует за авторами-мистиками и визионерами, такими, как О. Хаксли («Двери восприятия») или Г.Ф. Лавкрафт («Кошки Ултара»).

Таким образом, распахивая врата в антимир «Пограничных сказок про котят», Л.С. Петрушевская приглашает читателя войти в трансцендентальные области макрокосма и микрокосма, где всё будто бы перевернуто с ног на голову, а на самом деле таит внутри себя бытийную истину.

Список литературы

1. Герасимова А.Г. Проблема смешного. Вокруг ОБЭРИУ и не только [Текст] / А. Герасимова. — М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2018. — 416 с.
2. Каблукова Н. Освоение абсурда и поэтика абсурда в реалистической драме Л. Петрушевской // Н. Каблукова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. № 10, 2009. С. 294—310.
3. Липавский Л.С. Разговоры // Введенский А. Всё. — М.: ОГИ, 2013. — 760 с. С. 582—662.
4. Петрушевская Л.С. Пограничные сказки про котят [Текст] / Л.С. Петрушевская. — СПб: Амфора, 2008. — 296 с.

*10.01.01***С.Ф. Меркушов канд. филол. наук**

Тверской государственный университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МИРОВ «ЗАГАДОЧНЫХ СКАЗОК» Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ:
ДЕТСКИЙ МИР КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ, ВЗРОСЛЫЙ МИР КАК АБСУРД**

В статье предлагается трактовка «Загадочных сказок» Л.С. Петрушевской с точки зрения амбивалентной специфики их художественного пространства, структурно и содержательно рассматриваемого как взрослый и детский миры. Доказывается гипотеза о том, что детский мир представлен в них как целостность, взрослый — как хаос и абсурд.

Ключевые слова: *Л.С. Петрушевская, «Загадочные сказки», детский мир, взрослый мир.*

Художественный мир Л.С. Петрушевской представляет собой яркий, жанрово и стилистически многогранный и притом сложно организованный феномен отечественной литературы. Ее писательское творчество (а помимо писательской деятельности Л.С. Петрушевская уже порядка десяти лет занимается песенным творчеством) вмещает в себя впечатляющее многообразие форм — пьесы, новеллы, повести, романы, сказки, статьи, эссе, сценарии, переводы, — которые, в свою очередь, получают оригинальные авторские жанровые номинации («Пограничные сказки про котят», «Дикие животные сказки», «Загадочные сказки», «Морские помойные рассказы», «Истории из моей собственной жизни» и т.д.) и заключают внутри себя специфические языковые и стихотворные эксперименты (в частности, цикл «Пуськи бятые»). Именно вследствие полидискурсивного характера творчества Л.С. Петрушевской исследователи продолжают спорить о принадлежности ее текстового наследия к тому или иному литературному направлению [5; 1; 3 и др.].

На наш взгляд, прежде всего жанровым синкретизмом ее текстов обуславливается нахождение в них достаточно ярко выраженного абсурдистского компонента. Наличие формальных признаков абсурда в произведениях Л.С. Петрушевской отмечалось некоторыми исследователями, хотя и далеко не всегда эти признаки обозначались как эксплицирующие данную категорию [2; 5]. Прямо об абсурде в драматургических произведениях писательницы рассуждают лишь отдельные ученые [1; 3], несмотря на очевидное, с нашей точки зрения, его там присутствие.

К примеру, сюжетно-ситуативный уровень (разрушение телесности, сопутствующее болезням и смерти), многомотивность конфликтов («нарушение исторического времени», «подводящее к пограничным ситуациям», «равнозначность утраты осмысленности и чувственной природы» ([1: 294—310] и т.д.), парадоксальность фабулы, алогизм действий персонажей (субстанциальные противоречия, обнаруживающие человеческое бессилие перед ними) свидетельствуют о близости пьес Л.С. Петрушевской эстетике и поэтике абсурда.

В 2008 г. в санкт-петербургском издательстве «Амфора» вышла книга Л.С. Петрушевской под общим названием «Пограничные сказки про котят», интересная прежде всего в силу синкретического и эклектического своего характера [4]. Она представляет собой сборник разножанровых и разностилевых, во многом экспериментальных, произведений, адресованных разновозрастной читательской аудитории и отмеченных безусловным наличием в них ярко выраженной абсурдистской эстетики.

В книге представлены два прозаических — «Загадочные сказки» и «Пограничные сказки про котят» — и два поэтических — «Стихи(хи)²» и «Поэмы» — цикла. На наш взгляд, полноценно суть текстов сборника раскрывается в их восприятии в совокупности с рисунками постоянно сотрудничающей с писательницей художником-мультипликатором А. Шадринной. Особенно эта взаимная функциональность актуализируется в процессе ознакомления с «Загадочными сказками», иллюстрации к которым даны в цвете. Сами сказки представляют собой беспрецедентный по меньшей мере для русской литературы (возможно, лишь у В.О. Пелевина в «Жизни насекомых» присутствовал подобный дискурс, но там антропоморфировались только насекомые) опыт круговой проекции миров человека, флоры, фауны, предметов и т.д. «Загадочность» сказок в том, что любая из них, начинаясь вполне разумно — с представления некоего персонажа в качестве как будто бы человека, чаще ребёнка, — в ходе повествования всё более остраняется, в итоге фиксируя героя из совершенно другой системы видов (к примеру «Маленькая красавица» — это сказочная загадка про комара, «Про они» — своеобразная «пища для размышлений» о ножницах, «Курящая девочка» — о девочке-вулкане и пр. [здесь и далее приводятся примеры из: [4]]). Таким образом, в целях более последовательного проникновения в замысел автора следует учитывать двуплановость цикла в целом и каждой сказки в отдельности. На первый взгляд может показаться, что перед нами тексты, адресованные детям. До середины цикла, возможно, так оно и есть: вплоть до 14-й миниатюры (а всего их 24) во всем объеме соблюдаются новеллические и сказочные традиции (зачин «жили-были» и т.п.), используются образы, понятные ребенку. Но уже здесь чувствуется нарочитое сближение этих конкретных текстов с абсурдистикой, связанное с известной иррациональностью и парадоксальностью, а также ассоциативностью и остраненностью (свойственных детской литературе, почти всегда базирующейся на приемах и методах абсурда) этих повествований.

Л.С. Петрушевская дает рассказам соответствующие названия, но в финале рассказов они не обосновываются либо объясняются вне рациональной логики (к примеру, «Неуклюжий мальчик» по титлу к концу текста «превращается» в слоненка, а «Мальчик с насморком» — в водопроводный кран; в завершении миниатюры «Девочка с аппетитом» предлагается «свободная» этимология наименования насекомого божьей коровки, а в рассказах «Арестованная девочка» и «Бородатый мальчишка» странная «бородатость» девочки и мальчика объясняется тем, что в итоге и та, и другой оказываются обезьяной и веником). Полагаем, что главное, чем определяется специфичность данной части текстов, это симбиотический характер их формальной организации (цикл; по авторскому обозначению — сериал) и содержательной природы (о трансцендентальной взаимосвязанности человека со всем, что его окружает). Взаимосвязанности именно человека вообще: образ ребенка здесь расширяется, приобретает символический и глобальный смысл, актуализированный в Библии («Будьте как дети, ибо их есть царствие небесное» Мф 19:14). Ребенок или человек, сохранивший в себе ребенка, находится подле истины, он причастен к тайнам мира. Потому он способен понять, что всё вокруг — живое и одухотворенное, всё пребывает в тесном контакте между собой, всё тождественно всему: «Погода» — это «девочка-суперстар», «девочка-обжора» — это кастрюля, «мальчик-невидимка» — это микроб, «маленькая красавица» — это комарик, и т.д. Таким образом, уже в этой части цикла просвечивает оригинальность подтекста сквозь подчеркнутую необычность формы.

Далее, начиная с 14-й сказки под названием «Он или Она?» адресат и авторская точка зрения неожиданно меняются. Граница между разными адресатами цикла не случайно проходит через эту сказку: уже заголовок посредством включенного в него союза выражает альтернативу, а также имеет характер взаимоисключения двух компонентов-местоимений. Тематика сказки мало значима для ребенка, имплицативно речь идет о «Президенте» как о некой абстракции, персонифицирующей в себе мелкие качества массы, толпы, порождением которой, собственно, она (эта абстракция-президент) и является: «Новоприбывшего дурака ожидать приходилось, урожденного вора и обманщика, пустого брехуна, даже какую-нибудь неуправляемую идиотку. <...> Родители новорожденного никогда не в силах повернуть

колесо истории вспять и загнать недоумка обратно» [4: 33—34]. Уже в приведенном примере заметны снижение лексики, общая смена содержательного фона при сохранении формальных признаков сказки, в целом переориентация на взрослого читателя в большей степени. В силу этого модифицируется сюжетное поле сказок путем умаления импликатур (к примеру, в одной из сказок «отгадкой» становится рюмка («Чистая девочка»), а в другой — унитаз («Мальчик вроде сиротки», в третьей — помойка («Красотка»)), одновременно сближаясь с «взрослыми» предметными сферами через семантические и концептуальные поля (например, в сказке «Идолы» через «часы» как обозначение обыденного предмета авторская мысль движется к философской интерпретации времени как предмету поклонения в мире людей, практически как одному из идолов в философской системе Ф. Бэкона, более 400 лет назад развивавшего идеи, на наш взгляд, во многом предвосхитившие экзистенциализм и абсурдизм). Сказки второй половины цикла изобилуют также присущими современности реалиями, интересными для взрослого мира, связанными с телепередачами, медийностью, литературной беллетристикой, интернет-мемами и т.п. (см., «Мальчик-слуга», «Мальчик на ночь», «Дорогое Оно»).

Взрослый, забывший в себе ребенка, не улавливает отголоски вечности во всем окружающем, он воспринимает мир не целиком, а в разъединенности, по отдельности, хаотично. Однако трансформируется только человеческое восприятие мира, сам мир не меняется, оставаясь гармоничным в своей неопределяемости. Между тем отсутствие свойств предполагает привнесение их человеческим сознанием.

Таким образом, дуализм, существующий на всех уровнях рассмотренных сказок, становится принципом объективизации как детского сознания — положительного, воспринимающего специфику внутренней корреляции мироздания не иллюзорно, так и взрослого сознания — отрицательного, базирующегося на оторванности, хаосе, абсурде рецепции действительности.

Список литературы

1. *Каблукова Н.* Освоение абсурда и поэтика абсурда в реалистической драме Л. Петрушевской // Н. Каблукова // *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог.* № 10, 2009. С. 294—310.
2. *Клецкая С.И.* О механизмах смыслопорождения в «Диких животных сказках» Л.С. Петрушевской [Текст] / С.И. Клецкая // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 28-30.
3. *Мещанский А.Ю.* Эстетика бытового абсурда в драматургии Л. Петрушевской // А.Ю. Мещанский // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — Тамбов: Грамота, 2017. № 6 (72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35—38.
4. *Петрушевская Л.С.* Пограничные сказки про котят [Текст] / Л.С. Петрушевская. — СПб: Амфора, 2008. — 296 с.
5. *Прохорова Т.Г.* Проза Л. Петрушевской как система дискурсов автореф. ... дисс. д.филол.н. / Т.Г. Прохорова. — Казань: ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина», 2008. — 48 с.

10.01.01

Хэ Фань

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории русской литературы,
Москва, mewmewsoup@gmail.com

**СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ БАНАЛЬНОЙ РИФМЫ «ТЕНЬ-ДЕНЬ»
В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
(К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ МОТИВНО-ОБРАЗНОЙ
СИСТЕМЫ СТИХОТВОРЕНИЯ «НАПОЛЕОН»)**

Статья посвящена изучению важного историко-литературного феномена: смысловой функции банальной рифмы «тень-день» в лирике М.Ю. Лермонтова. Автор статьи указывает на связь романтической поэзии М.Ю. Лермонтова с произведениями А.С. Пушкина и Дж. Байрона на мотивно-образном, композиционном, смысловом и идейном уровнях, выделяет важнейшие функции рифмующихся слов «тень» и «день» в стихотворении «Наполеон» и их основные значения. Данная статья отличается новизной и актуальностью, поскольку исследование функций рифм в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова принимается в мировом лермонтоведении впервые и способствует углублению идейно-смыслового понимания лирики поэта.

Ключевые слова: *рифма, смысловая функция, Наполеон, Лермонтов, тень, день.*

В поэтическом произведении рифма имеет три функции: стихообразующую, фоническую и семантическую, т.е. удовлетворяет «рифмическому ожиданию» [9, с. 329]. Рифма тесно связана со смыслом. В. М. Жирмунский писал, что рифмующиеся слова, находясь на конце строк, обращают на себя особое внимание читателя [8, с. 290]. Поэтому, несмотря на различие значений рифмующихся слов, они функционируют в качестве смысловой связи остальных частей двух стихов [8, с. 290]. Кроме того, благодаря своему положению (в основном, на конце строки) рифмы подчёркиваются интонационной и смысловой паузой, а также являются образующими звеньями смысловой цепи стихотворения [6, с. 167]. Китайский исследователь Т. Хуан считает, что рифмующиеся слова характеризуются одинаковыми фонетическими особенностями; и в китайской поэзии, прежде всего, определяющими для рифмы являются гласные звуки, порождающие смысловые ассоциации [17, с. 29].

В процессе «рифмического ожидания» безусловным участником является читатель. Первое слово в рифмующейся паре часто подсказывает второе, наиболее часто встречающееся в поэзии, т.е. читающий по первому слову в паре рифмующихся слов может угадать второе. Такие рифмы в стиховедении принято называть «банальной рифмой», т.е. эти рифмы «из-за частой повторяемости ощущаются как банальные» [5, с. 44], по выражению ученого М. Л. Гаспарова, который в качестве примера таких рифм приводит сочетания «любовь - кровь», «камень - пламень» и «морозы - розы» [5, с. 44].

Литературовед В. М. Жирмунский выделяет две категории рифм по типу образования рифмовки: морфологическое строение рифмы и лексическое строение рифмы. Рифмы морфологической категории, которые характеризуются одинаковыми суффиксами или флексиями, также называются грамматически однородными рифмами. Для рифмы этого типа повтор подобных звуков порождает связь двух разных значений. Во второй категории внутренняя связь рифмующихся слов основана на смысле. Данная категория разделяется по разной форме использования лексической рифмы на банальную рифму, редкую рифму (неожиданная рифма), экзотическую рифму и разговорную рифму, которые служат семантике поэзии по-разному [8, с. 291-302].

Согласно теории В.М. Жирмунского, рифмовое сочетание “*тьнь - день*” также принадлежит к грамматически «разнородным» рифмам из-за того, что, хотя оба слова имеют одинаковую грамматическую форму (именительный падеж единственного числа существительного), они относятся к разным грамматическим категориям: “*тьнь*” является существительным женского рода, а “*день*” мужского. Эти слова принадлежат к одной части речи, однако являются противоположными по семантике. Более того, рифмующиеся слова “*тьнь - день*” являются точной и даже богатой рифмой – их звучание одинаково, за исключением первых согласных звуков «т» и «д», которые, в свою очередь, различаются только по признаку глухости/звонкости. Таким образом, смысловая связь между этими словами подчёркивается практически полным фонетическим совпадением.

Для Лермонтова рифмующееся сочетание “*тьнь - день*” является одним из самых часто используемых сочетаний в его стихотворениях, таких как «Наполеон» (1830) (“*И вот глядит неведомая тень/ На тот восток, где новый брезжит день*”), «30 июля. (Париж.) 1830 года» (1830) (“*Глушец! Что будешь ты в тот день ... Предмет насмешек ада, тень*”), «1831-го июня 11 дня» (1831) (“*В тот свежий час, когда садится день,/ И на востоке близкой ночи тень*”) и “*Мне нужно действовать, я каждый день/ Бессмертным сделать бы желал, как тень*”), «Сон» (1830 - 1831) (“*Я видел сон: прохладный гаснул день,/ От дома длинная ложилась тень*”), «Вечер (1830-1831)» (“*Когда садится алый день ... Когда туман встает, и тень*”), «Бородино» (1837) (“*Мы ждали третий день. ... Ночная пала тень*”).

Слова «*тьнь*» и «*день*» являются противоположными по смыслу. Согласно определению в авторитетном «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, «*день*» означает “часть суток с утра до вечера” и “промежуток времени в пределах суток, занятый какой-н. деятельностью” [15, с. 140]; «*тьнь*» означает “пространство, на к-рое непосредственно не падают световые лучи, а также тёмное отражение на чём-н. от предмета, к-рый освещён с противоположной стороны”, “неотчётливое очертание человеческой фигуры, силуэт” и “призрак, как бы остаток чего-н. (книж.)” [15, с. 635]. Несмотря на то, что значения этих двух слов занимают не диаметрально противоположные по смыслу позиции в русском языке, тем не менее, учитывая фонетические нормы рифмовки, особость поэтического стиля и многогранность значений художественных образов, сочетание “*тьнь - день*” представляет собой противопоставление такого рода: «ночь – день», «темнота – свет», «смерть – жизнь», «зло – добро» и др. Смысловое противопоставление очень часто используются и в китайской поэзии как изобразительно-выразительное средство, в частности, благодаря синтаксическому параллелизму, или «дуйоу», который разделяется на два вида: синонимический и антонимический параллелизмы. С помощью позиционного противопоставления слов в стихотворении образуется связь между их значениями [4, с. 83].

Одной из функций рифмующихся слов “*тьнь - день*” является оформление художественного образа Наполеона в «Наполеоновском цикле», который составляют два типа стихотворений, связанных с Наполеоном: к первому типу мы относим стихотворения «Наполеон (Где бьет волна о брег высокой ...)» (1829), «Наполеон (Дума)» (1830), «Св. Елена» (1831) и др., в которых поэт создал образ Наполеона; к второму – «Поле Бородино» (1830-1831), «Бородино» (1837) и др. – в которых Лермонтов изобразил Наполеона как предводителя французской армии в Отечественной Войне 1812-ого года. Сочетание “*тьнь - день*” наблюдается два раза в «Наполеоновском цикле». Образ Наполеона в лирике Лермонтова генетически берёт начало в других произведениях русской литературы. Поэты и писатели из разных эпох относились к Наполеону по-разному, мнение многих из них менялось на протяжении жизни и творчества. Образ Наполеона часто встречается в литературе первой трети XIX века, в частности, в поэзии Пушкина и Байрона, оказавших большое влияние на поэзию Лермонтова.

Пушкин сравнивал Байрона с Наполеоном и называл этого английского поэта «другим властителем наших дум» в стихотворении «К морю» (1824). Байрон, родившийся раньше Пушкина и Лермонтова, в 1788-ом году, жил во время знаменательных для Франции и всего мира событий: Великой французской революции и Наполеоновских войн. Несмотря на то,

что в раннем творчестве Байрона, включая «Оду к Наполеону Бонапарту» (1814), сказалось сильное осуждение Наполеона [14, с. 24], однако, после 1814-ого года в поэзии Байрона наблюдается “серьезное поэтическое увлечение” [18, с. 196] бывшим французским императором. В стихотворении «Ода с французского» (1815) Байрон уже начал давать положительную оценку влиянию Наполеона на народ. В стихотворении «Прощание Наполеона» (1815) [18, с. 197] на французском языке его отвращение к Наполеону ослабло, поэт высоко оценил деятельность императора. В поэме «Бронзовый Век» (1823), которая анонимно была опубликована через год после смерти Наполеона, Байрон описал “Annus Haud Mirabilis” [21] (на рус. “необычный год”), когда Священный Союз был собран в 1823 году для пресечения революционных движений, возникавших и нараставших с большей силой в Европе. В 3-ей и 4-ой строфах поэмы Байрон выражает сложные, противоречивые эмоции по отношению к личности Наполеона: Байрон уважает бывшего императора и сочувствует его трагической судьбе. Контрастность свойственна всей поэме «Бронзовый Век»: Наполеон находился в центре внимания всей Европы до смерти, однако умер одиноко; он был узником в реальном мире, но свободным в идеальном мире; он считался тираном при жизни, однако великим героем после смерти.¹ В своей поэме Байрон создал романтический художественный образ Наполеона, в чьем духе воплощены «небо» и «земля» в их противоречивости и целостности.

В творчестве А.С. Пушкина образ Наполеона впервые появляется в 1815 году в стихотворении «Наполеон на Эльбе». Для юного поэта, которому было 14 лет во время Отечественной войны, Наполеон был «губителем», врагом родины. Однако в 1821 году, после смерти Наполеона, Пушкин в стихотворении «Наполеон» показал иной образ «великого человека». Наполеон изображен не только «надменным», «постыдным» тираном, как в стихотворении «Наполеон на Эльбе», он также олицетворял «вечную свободу». Кроме того, поэт наделил этого персонажа человеческим характером, психологическими чертами: Наполеон - отец, который думал о сыне («Один, один о милом сыне/ В унынье горьком думал он»). Вслед за Байроном, Пушкин в стихотворениях «К Морю», «Затем ты послан был и кто тебя послал?» и «Недвижный страж дремал на царственном пороге» в 1824 году описывал Наполеона как «чудесного посетителя» и «как сон, как тень зари». Образ Наполеона в стихотворениях Пушкина со временем трансформировался: из исторического лица в абстрактный образ, в котором отразилось стремление личности к свободе [12, с. 132-140]. Однако на протяжении всего творчества Пушкина образ Наполеона дихотомический: Наполеон – победитель и поверженный, император и узник, враг России и посланец свободы, чувствительный и холодный, живой и мертвый, реальный и иллюзорный. Лермонтов - “создатель русского литературного наполеоновского мифа” [17, с. 142], и в оформлении образа Наполеона в своем творчестве во многом следует за Пушкиным и Байроном. В стихотворении «Наполеон» (1830) для создания художественного образа Наполеона Лермонтов использует пейзажные мотивы: «день», «темнота», «луч», «волна», «море», «облака», «мгла», «гроза», «молния», «гром», в определенном смысле представляющие собой антитезу света и тьмы. Эти мотивы часто реализуются в виде семантически антонимичной пары слов в пределах одного предложения, например: “В небесный час, меж днем и **темнотой**”, “И вот глядит неведомая **тень**/ На тот восток, где новый брезжит **день**”, “Мгновенный **луч** нередко озарял/ Печальному **тень**, стоящую меж скал”.

В творчестве Байрона и Пушкина дихотомия образа Наполеона также подчеркивается антитезой света и темноты. Например: в стихотворении «Ода к Наполеону Бонапарту» Байрона: “Но лестно ль - как **звезда** над бездной/ Сверкнуть и рухнуть в **мрак беззвездный**?”; в стихотворении «Наполеон на Эльбе» Пушкина: “Вечерняя **заря** в пучине догорала./ Над **мрачной** Эльбою носилась тишина”. Создавая картины природного мира с антитезой света и темноты, поэты оттеняли сложный образ Наполеона. Например, в строках “И вот глядит неведомая **тень**/ На тот восток, где новый брезжит **день**” Лермонтов описывает, как призрак Наполеона стоит перед восходом солнца над темным морем.

¹ “But be it as it is—the time may come/ His name shall beat the alarm, like Ziska’s drum”. Там же.

Слова “тьнь” и “день” имеют несколько значений: во-первых, это образы природы, с помощью которых в стихотворении «Наполеон» Лермонтов описал наступление утра, когда призрак Наполеона появился на берегу острова Эльбы. Природные образы “тьнь” и “день” в данном стихотворении неоднократно повторяются, что способствует не только акцентированию внимания на их противостоянии, но и пониманию единства света и темноты в мире. В науке отмечалось, что пейзаж в лирике М.Ю. Лермонтова функционально нагружен, выполняет изобразительно-выразительную, композиционную, философскую и религиозную функции [20, с. 323]. Во-вторых, сочетание «тени» и «дня» - это символ противоречивости судьбы Наполеона: поэт объяснил в следующем стихотворении «Наполеон», «свет» — это восток и Франция, где Наполеон обрел известность во всем мире и огромную славу как французский император; а «тьнь» - остров Эльбы, где Наполеон умер узником и в одиночестве. В стихотворениях Лермонтов немало использует описания природы для создания “трагичного характера своего одиночества” [14, с. 171], такой метод также использует в стихотворении «Наполеон». Образ Наполеона в художественном мире стихотворения Лермонтова появляется в моменты слияния света и тьмы во времени и пространстве: *“В неверный час, меж днем и темнотою <...> мгновенный луч нередко озарял // печальну тень, стоящую меж скал”*. С помощью временных и пространственных противопоставлений Лермонтов создал печальную, трагическую атмосферу вокруг призрака Наполеона, что проявилось и в творчестве Пушкина. Лермонтов показал образ призрака Наполеона на берегу, а Пушкин в стихотворении «К Морю» (1824) представил изобразил Наполеона у моря. Примечательно также, что художественная атмосфера стихотворения Пушкина также соткана из противоречий: *“Твой гул в вечерние часы”* и *“И блеск, и тень, и говор волн”*.

В творческом отношении Лермонтова к Наполеону как к исторической личности есть отличительная особенность: отсутствие изображение Наполеона как агрессора. Согласно «Лермонтовской Энциклопедии» (1981), из-за того, что Лермонтов родился в 1814-ом году, т.е. позже Байрона и Пушкина, и не видел Отечественную войну 1812 года своими глазами, для юного Лермонтова Наполеон был не реальным лицом, а словно бы героем эпической поэмы [9, с. 332]. Так, под влиянием стихотворения Пушкина «Наполеон» (1826) Лермонтов создал образ Наполеона как великого руководителя с блестящим стремлением к свободе, однако поэт отметил, что “слава” для Наполеона — это и «обманувший», «опасный» друг, и «чудный, мощный звук».

Лермонтов в своих лирических произведениях представил Наполеона как оссианического героя [9, с. 332]. Феномен оссианизма как этап общеевропейского процесса, который находится между литературной традицией XVIII века и романтизмом первой трети XIX века, нередко встречается в русской литературе XVIII-XIX вв. [12, с. 168]. Неудивительно, что в стихотворении «Наполеон» встречается типичный для оссианической лирики пейзаж: тёмное время суток (ночь), непроницаемость для взора и слуха (туман и тишина) и лунный свет, волны. [12, с. 173]. Свет и темнота в «Наполеоновском цикле» М. Ю. Лермонтова также выполняют функцию изображения двух миров: мира реального и мира потустороннего. Лермонтов в стихотворении «Наполеон» описывает момент, когда рыбаки увидели призрак Наполеона: этот момент является слиянием дня и ночи, другими словами, слиянием жизни и смерти. Смерть как художественный мотив составляет фон многочисленных ранних стихотворений Лермонтова [22, с. 169], так, в этом стихотворении смерть и жизнь также функционируют в качестве фона. Поэт отмечает, что герой “давно умерший”, и “сгнил его и червем съеден прах”, и призрак Наполеона должен существовать в ночи, однако, его увидели люди в живом мире *“в неверный час, меж днем и темнотою”*, когда *“мгновенный луч нередко озарял печальну тень”*. Таким образом, момент, когда призрак Наполеона появлялся, является слиянием миров жизни и смерти. В начале стихотворения Лермонтов изображает Наполеона так: *“Сей острый взгляд с повышенным челом/ И две руки, сложенные крестом”*, а в конце произведения: *“... недвижимый лик,/ Под шляпою, с нахмуренным челом,/ И две руки, сложенные крестом”*. Поэт пишет, когда *“день блеснул в струях”* (т. е. когда приходит день), мир мёртвых исчезает.

По сравнению с образом “недвижного” и молчаливого Наполеона в мертвом мире, в реальном мире всё живо и шумно: “гроза бунтует и шумит”, “блещет молния” и “гром гремит”. Антитезы дня и ночи, движения и покоя, шума и молчания служат созданию художественных миров жизни и смерти. Мотивы «мёртвого» мира и призрака Наполеона встречаются и в поэзии Байрона и Пушкина. В поэме «Бронзовый Век» (1823) Байрон называл Наполеона “свободным духом”; в стихотворениях «Недвижный страж дремал на царственном пороге ...» (1824) Пушкин называл его “неким духом”, “внезапным гостем”, “чудным мужем”, “посланником провиденья” и “царем, исчезнувшим, как сон, как тень зари”. Лермонтов создает образ умершего Наполеона в живом, реальном мире, следуя за романтической традицией, именно поэзией Пушкина и Байрона, чьи свободные и трагические герои оказали заметное влияние на творчество юного Лермонтова [7, с. 53].

Для создания художественного мира стихотворения Лермонтов использует и другие способы. Так, по мнению исследователя А. С. Батаевой, по аналогии с ассоциацией “смерть - темнота” “смерть - вода” является второй важной метафорой у Лермонтова, которую также использовал в своем творчестве Байрон [2, с. 46]. В стихотворении «Наполеон» М. Ю. Лермонтова важную роль играет мотив водной стихии, который в европейской культуре представляет собой “маркер некоего «другого мира»” [2, с.44]. Так, в произведении представлено несколько значимых для нас «водных» образов, например, образы волны, берега, острова, моря. Подобно противопоставлению света и темноты, берег острова разделяет призрак Наполеона и море, которое относится к миру живому. В «Оде с Французского» Байрона описывается “остров”, “океанские воды” и “море”; в поэме «Бронзовый Век» “море”, “вода” и др. В поэзии Пушкина также существует множество примеров создания «водного» образа: в стихотворении «К морю» Пушкина образ Наполеона связан с водной стихией и её проявлениями: морем, бурей, заливом. Безусловно, в этом ключе наибольшее влияние на Лермонтова оказала пейзажная и философская лирика Пушкина.

Частотность использования Лермонтовым рифмы “*тень - день*” демонстрирует творческий интерес поэта к теме жизни и смерти. Ещё в 1829 году данная тема была поднята в стихотворении «К П...ну», где поэт сравнил жизнь и смерть с “минутой сновиденья” и “струны порванной звоном”. Именно в 1830 году, в год создания стихотворения «Наполеон», поэт неоднократно в своем творчестве обращался к теме смерти, например, в таких стихотворениях как «Ночь. I», «Ночь. II», «Одиночество» и др. Таким образом, данный вопрос был важным, существенным в тот период для Лермонтова. Поэт не раз касался темы смерти Наполеона в своих стихотворениях, и даже написал эпитафию («Эпитафия Наполеона», 1830) в память о герое, у которого “На гробъ надпись жалкую отвергъ” [1]. Вообще, для романтической поэзии мотив смерти является весьма распространённым, смерть для лирического героя означает, прежде всего, освобождение от земных мук и страданий [10, с. 310]. Кроме того, для романтиков противопоставление добра и зла существует, в основном, в одной художественной системе с оппозицией смерти и жизни, а зачастую и тождественно ей [19, с. 12]. В стихотворении «Наполеон» мы читаем, что после своей смерти Наполеон уже забыл бывшую “славу” и “скипетр”, и презрел “судьбу с гордыней прежних дней”. Однако это не означает, что Лермонтов изображал призрак Наполеона как совершенно освободившегося от земных мук духа – по-прежнему на его лице видны «следы забот и внутренней борьбы», и «быстрый взор <...> всё полон прежних дум». Белинский писал, что для Лермонтова смерть и жизнь как два мира, как два состояния не могут полностью разграничиваться [3, с. 159].

Таким образом, рифмопара “*тень - день*” выполняет несколько важных смысловых функций в лирике М. Ю. Лермонтова: описательную (создание художественного мира природы), характеризующую (описание образа Наполеона), метафорическую (ассоциация тени со смертью, а дня с жизнью), а также идейную (отображение особого взгляда поэта на систему концептов «жизнь» - «смерть», «мир живой, реальный» - «мир иллюзорный, потусторонний», на понятия смерти и жизни, являющимися важными темами в творчестве

М. Ю. Лермонтова). В этом ключе наибольшее влияние на поэта оказала романтическая поэзия Дж. Байрона и А. С. Пушкина, связь с творчеством которых просматривается как в сходстве мотивно-образных систем стихотворений (общие черты изображения Наполеона, создание «водных» образов, таких как море, буря, ассоциирующихся в романтической литературе со смертью), так и в идейном, концептуальном отношении: противоречивость характера Наполеона, противопоставление жизни и смерти, света и темноты, дня и ночи, берега и водной стихии. В ходе анализа текстов стихотворений Лермонтова и сопоставления с поэзией Пушкина и Байрона выяснилось, что рифма «тьнь-день» выполняет в стихотворении «Наполеон» (1830) несколько функций: с помощью изображения тени (темноты) и дня (света) строится природный художественный мир стихотворения, в котором состояние дня и ночи не только находятся в отношении противопоставления, но сосуществуют и переходят друг в друга как два состояния мира. Ещё одной важной функцией изучаемой рифмопары является метафорическая функция, т.е. создание ассоциации природных явлений ночи и дня, темноты и света с понятиями смерти и жизни, потустороннего (ирреального) и настоящего, живого мира, однако обозначение границ между двумя мирами не представляется возможным: призрак Наполеона, его поведение и чувства описываются как черты живого человека, мучимого тревогами и заботами и отягощенного опытом земной жизни. В-третьих, с помощью оппозиции света и темноты, реализованную с помощью противопоставлений природных образов света и тени, изображается противоречивость и двойственность характера Наполеона. И, наконец, оппозиция «тьнь-день» способствует раскрытию сквозной в ранней лирике Лермонтова темы смерти, находящейся в системе важнейших в его творчестве концептов «жизни», «смерти» и «сна».

Список литературы

1. *Байрон Д.Г.* Бронзовый Век [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_1823_bronzovy_vek_olderfo.shtml (Дата обращения 18.12.2018).
2. *Батаева А.С.* Представление о воде как о символе смерти в стихотворении Джорджа Байрона «Darkness» // Вестник университета российской академии образования. – 2015. – №1. – С. 44-49.
3. *Белинский В. Г.* Статьи о Пушкине, Лермонтова, Гоголе. – М.: «Просвещение», 1983. – С. 272.
4. *Гао М.* Эстетические психологические особенности Дуйюу // Журнал Восточного Ляонинского Университета (Социальные Науки). – 2015. – вып. 17. №4. – С. 83-86.
5. *Гаспаров М.Л.* Русский стих. Начало XX века в комментариях. – М.: «Фортуна лимитед», 2001. – С. 290.
6. *Гончаров Б.П.* Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. – М.: Издательство «наука», 1973. – С. 275.
7. *Григорьян К.Н.* Лермонтов и романтизм. – М.-Ленинград: Наука, 1964. – С. 300.
8. *Жирмунский В.М.* Теория стиха. – Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1975. – С. 664.
9. Лермонтовская Энциклопедия / Мануйловым В. А. [и др.] – М.: «Советская энциклопедия», 1981. – С. 784.
10. Литературный Энциклопедический Словарь / Кожевников В. М., Николаев П. А. [и др.] – М.: «Советская энциклопедия», 1987. – С. 752.
11. *Осовский О.Е.* Смерть Наполеона в Литературном Сознании Пушкина // ВЕСТНИК НГЛУ. – 2015. – Вып. 32. – С. 132-140.
12. *Разживин А.И.* Оссианизм в русской литературе рубежа XVIII-XIX веков. Мифология, поэтика, основные концепты // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию факультета иностранных языков ЕИ К(П)ФУ, 23 октября 2015. – Елабуга: Елабужский институт Казанского федерального университета, 2015. – С. 168-174.

13. Садовникова Е.Н. Природный мир в творчестве М. Ю. Лермонтова // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. – 591-2. – С. 171-173.
14. Сон Д., Суюй Ш. Литературный образ Наполеона в творчестве Байрона // Журнал лиоянского политехнического института (полоса общественных наук). Лиоян. – 2011. - №3. – С. 23-27.
15. Сыромятникова А.А. «Чистое искусство» и некоторые проблемы семантики русской рифмы // Учебные записки орловского государственного университета. серия: гуманитарные и социальные науки. – 2009. - №3(33). – С. 177-181.
16. Толковый Словарь Русского Языка / Ожегов С. И. – М: Издательство АСТ, 2017. – С. 736.
17. Хуан Т. Введение в творчество поэзии. – Гуанчжоу: Гуандонское народное издательство, 2003. – С. 63.
18. Широких В.М. Наполеон в поэзии Д.Г. Байрона и М.Ю. Лермонтова // Язык и этнокультуры Европы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко» / ред. Коллегия: Н. Н. Орехова, Е. Э. Калинина (отв. ред.), М. А. Кропачева, Е. С. Литвинова, М. В. Максимова, В. М. Широких, 15-16 ноября 2012. – Глазов: Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко, 2013. – С. 195-204.
19. Щербинина Н.Г. Концепт «Бессмертие» в Лирике Английского Романтизма // Уральский Филологический Вестник. – 2015. - №5. – С. 10-20.
20. Ян Ю. К вопросу об изобразительно-выразительной функции пейзажа в стихотворениях М. Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского Университете. – 2018. - т. 28. №. 3. – С. 323-327.
21. Lord Byron. The age of Bronze [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/byron/george/age-of-bronze/> (Дата обращения 19.12.2018).
22. Yamaji A. Russian Poets on Death and the Dead // Quaestio Rossica. – 2016. - No. 4. – С. 162-176.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10*

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук, ¹Р.Н. Зигитбаев,
¹Д.А. Зайцев, ¹Л.Р.Валиахметова, ¹Э.Р.Шаяхметова, ¹Р.Ф. Рахимова,
¹Е.А. Селиванова, ¹Д.Д. Саидова

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru

**ВКЛАД ЧЛЕНА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР А.Г. ШАМАЕВА
В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА**

Член Союза журналистов СССР, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации и Башкирской АССР, организатор здравоохранения Амир Габдрахманович Шамаев написал 14 книг и более 2500 научных статей, которые опубликованы во всех республиканских журналах и газетах, большая часть которых посвящена курортологии, кумысолечению, здоровому образу жизни.

Ключевые слова: журналист, кумыс, газета, здоровый образ жизни.

13 июня 2019 года в Государственном концертном зале «Башкортостан», накануне Дня медицинского работника, прошло торжественное заседание научной и медицинской общественности, посвященное 100-летию образования здравоохранения Республики Башкортостан. В фойе первого этажа была представлена музейная экспозиция, посвященная вековой деятельности медицинских работников, где особое место занимал раздел, посвященный члену Союза журналистов СССР, кандидату медицинских наук, заслуженному врачу Российской Федерации и Башкирской АССР, отличнику здравоохранения СССР и Республики Башкортостан Амиру Габдрахмановичу Шамаеву (1929—2017 гг.). После окончания лечебного факультета Башкирского государственного медицинского института имени 15-летия ВЛКСМ в 1955 году Амир Габдрахманович Шамаев проработал заведующим районным отделом здравоохранения и главным врачом Юмагузинского района Башкирской АССР. Был инициатором перестройки органов здравоохранения сельского района. В Башкирии, в двух сельских районах, Юмагузинском и Миякинском, проводился эксперимент по реорганизации райздравотделов: функции руководителя были возложены на главного врача района. Первыми были реорганизованы управления органами здравоохранения в двух вышеуказанных районах, в дальнейшем это произошло по всей Башкирии. Проработал главным врачом санатория им. А.П. Чехова (1960—1962 гг.), всесоюзного курорта Шафраново (1962—1967 гг.), начальником Уральского зонального управления спецсанаториев Минздрава РСФСР (1967—1970 гг.) [1]. Именно в эти годы, работая в санаториях, Амир Габдрахманович стал членом Союза журналистов СССР, его первые публикации были посвящены природе Башкортостана, ковыльным степям, кумысу. Лечебный и восстановительный напиток «требовал к себе внимания» журналиста, имеющего медицинское образование, благодаря его публикациям (книга «Кумыс» была переиздана 7 раз) кумыс был признан лечебным напитком (до А.Г. Шамаева кумыс считался продуктом питания) [2]. В 1971 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Организация и эффективность комплексного лечения в туберкулезных кумысолечебных санаториях Башкирии». В 1977 году Амир Габдрахманович переходит на кафедру туберкулеза в Башкирский государственный медицинский институт, в 1985—1987 гг. работает главным врачом городской клинической больницы №21 г. Уфа, в 1987—1999 гг. руководит

Республиканским кардиологическим диспансером. Организатор здравоохранения А.Г. Шамаев опубликовал статьи, направленные на профилактики заболеваний сердечно-сосудистой системы, особый акцент он делал на здоровый образ жизни среди молодежи и лиц пожилого возраста на современном этапе. А.Г. Шамаев является автором 14 монографий и более 200 научных статей. После доклада А.С. Шамаева на президиуме Ученого медицинского совета Минздрава РСФСР впервые официально признан лечебным средством 26 октября 1979 года. Являясь членом Союза журналистов СССР, РФ и РБ А.Г. Шамаев поддержал инициативу молодых уфимцев в 2008 году Артура Хакимова, Александра Козлов, Станислава Суханова, о создании в республике цветной газеты «Ветеран Башкортостана». Сам же А.Г. Шамаев стал членом редколлегии, а также принял самое активное участие в формировании первых номеров издания [3]. «Ветеран Башкортостана» отражает нужды и чаяния ветеранов и пенсионеров республики. Журналист Артур Хакимов давно работал с представителями старшего поколения, являясь членом комиссии по здравоохранению Республиканского совета ветеранов, поэтому опираясь на мудрые советы А.Г. Шамаева была проработана концепция нового издания, были обозначены рубрики, а также разработан журнальный формат, который был наиболее удобен для читателя. Решение о бесплатности новой газеты «Ветеран Башкортостана» вызвал поначалу немало споров, но учитывался советский опыт, когда граждане республики любили читать свежую прессу, при этом многие выписывали очень много газет и журналов на дом. Согласно последней переписи населения Республики Башкортостан Учитывая, что численность постоянного населения республики на 1 января 2018 года составила 4063293 человека, из них старше трудоспособного возраста – 950291 человек (23,4%) для которых и создана данная газета. Пенсионеры — это почти четверть население республики находит ответы на свои вопросы на страницах газеты «Ветеран Башкортостана», что конечно же является большим достижением и огромная заслуга в этом журналиста А.Г. Шамаева. Не секрет, что многие современные газеты бросаются из крайности в крайность. Одни выдают официальные сведения, сухие репортажи, блеклые заметки. Другие, напротив, заполняют страницы непроверенными фактами, неточностями и т.д. Газета «Ветеран Башкортостана» на своих страницах представляет сколько в республике достойных людей, о которых надо помнить, какая богатая история нашего края. Редколлегия газеты «Ветеран Башкортостана» активно сотрудничает с Президиумом Республиканского совета ветеранов, который оказывает информационную поддержку, а также с Уфимским городским ветеранским советом. Выпуск газеты - дело непростое. Из восьмистраничного вестника тиражом 999 экземпляров (первый номер вышел в 2008 году) издание превратилось в 16-страничную цветную гляцевую газету, которая выпускается 20-тысячным тиражом, и есть возможность дальнейшего роста. Член Союза журналистов А.Г. Шамаев создал информационное поле для ветеранов и пенсионеров Республики Башкортостан, т.к. не все пользуются интернетом, телевидением, а газета находит своего читателя во всех уголках республики. «Ветеран Башкортостана» - это первая газета для старшего поколения Республики Башкортостан. В октябре 1997 года А.Г. Шамаев был избран членом Башкирского республиканского совета ветеранов войны и труда (СВВТ), членом президиума СВВТ и утвержден председателем постоянной комиссии по медицинскому, санаторно-курортному обслуживанию и лекарственному обеспечению ветеранов войны и труда. С 2010 года член Башкирского республиканского совета ветеранов войны и труда. Родина отметила высокими наградами деятельность А.Г. Шамаева. Он награжден двумя орденами «Знак Почета», 20 медалями СССР, РФ и др., в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946 г.), «За освоение целинных земель» (1956 г.) и др. А.Г. Шамаев избирался членом Совета Исполнительного комитета Всемирного курултая (конгресса) башкир, председателем комиссии по работе с соотечественниками, проживающими за пределами Республики Башкортостан, в том числе за пределами Российской Федерации [4]

Анализ статей, опубликованных А.Г. Шамаевым, показал, что они были все на злобу дня и своевременными: «Дела сердечные в масштабах государства» («Известия Башкортостана», №68, 9 апреля 1999 г.), «Парадоксы доктора Шамаева» (Там же, №62, 2 апреля 1996 г.), «Секрет «везучести»: быть там, где ты нужен» («Советская Башкирия»-«Известия Башкортостана», 15 августа 2000 г.), «Приняв однажды близко к сердцу» («Республика Башкортостан», 15 декабря 2004 г.), «О враче говорит его дело» («Вечерняя Уфа», 12 марта 1999 г.), «Не забыть главное» («Действие», 28 сентября 2006 г.) и др.

Вывод: Член Союза журналистов СССР, РФ и РБ, заслуженный врач РФ и Башкирской АССР А.Г. Шамаев внёс значительный вклад в развитие журналистики Республики Башкортостан, опубликовав 14 книг и более 200 научных и научно-публицистических статей по здоровому образу жизни и активному долголетию.

2) В 2019 году в Башкирском государственном медицинском университете совместно с Ассоциацией историков медицины Республики Башкортостан запланирована Республиканская научно-практическая конференция, посвященная творческому вкладу в медицинскую журналистику члена Союза журналистов СССР А.Г. Шамаева.

Список литературы

1. *Киньябулатов А.У.* Медики Республики Башкортостан (биографический энциклопедический справочник). Уфа, 2009. - С. 350.
2. Кумысолечение. Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 3. З—К / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башк. энцикл., 2007. —С.602.
3. *Киньябулатов А.У., Зиятдинов Р.З., Шарафутдинова Н.Х., Фаюришин А.З., Ахмадиева Г.Р., Салемгареев И.И.* Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
4. *Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Азаматов Р.Ш., Гимадова Э.Г., Дьякова Н.А., Карпова Е.С., Ефремов И.С.* Краеведение как базисная основа в преподавании истории медицины Башкортостана. Казанская наука. 2016, №11. – С.148-150.

10.01.10

Е.Т. Чамзырын

Тувинский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра тувинской филологии и общего языкознания,
Кызыл, chamzyryn_e@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО ТУВИНСКОГО ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Э. КЕЧИЛ-ООЛА

*Сила детства в том и заключается, что она
пробуждает в человеке чувства добрые.*

Л.Толстой

В данной статье рассматривается творчество известного детского прозаика и поэта Э. Кечил-оола, внесшего значительный вклад в тувинскую литературу. В работе проанализирована основная направленность стихотворных и прозаических произведений писателя. В них в зависимости от возраста ребенка даются представления об окружающем мире, решаются задачи нравственного воспитания современного ребенка.

Ключевые слова: *тувинская детская литература, стихи и проза Э. Кечил-оола, народные традиции тувинцев, мир детства.*

Тема детства – одна из основных тем в творчестве современных тувинских писателей. К ней обращались такие известные авторы, как Л.Б. Чадамба, С.А. Сарыг-оол, С.Б. Пюрбю, О.О. Сувакпит, К.М. Аракчаа, Э.Д. Кечил-оол и многие другие. В детской литературе Тувы концепции детства придаётся большое значение, так как в деле воспитания подрастающего поколения особая роль принадлежит художественной литературе для детей.

Экер-оол Кечил-оол – поэт, прозаик, пишущий главным образом для детей. Он является одним из ярких писателей, которые прочно вошли в тувинскую детскую литературу. По мнению народного писателя Тувы Э. Мижита, с самого начала творческого пути Экер-оол Кечил-оол определился как детский писатель, который находится в одном ряду с зачинателем тувинской детской поэзии Л. Чадамба.

Э. Кечил-оол родился 1 декабря 1934 году в местечке Ак-Кожагар Улуг-Хемского кожууна Тувинской Народной Республики. Закончил Чаа-Хольскую семилетнюю школу, Кызылское педагогическое училище и педагогический институт. Трудовую деятельность начал учителем начальных классов в школах Сут-Хольского кожууна. Затем работал ответственным секретарём молодёжной газеты «Тываның аныяктары» (Молодежь Тувы), редактором Тувинского книжного издательства, литературным сотрудником и заведующим отделом культуры газеты «Шын» (Правда).

Литературную деятельность начал с 1953 года. Первая публикация писателя относится к 1953 году: в газете «Сылдысчыгаш» было напечатано его первое стихотворение «Аңчы Хартыга» («Хартыга – охотник»). В дальнейшем сотрудничал с альманахом «Улуг-Хем» и детской газетой «Сылдысчыгаш», где публиковались его произведения.

В те годы еженедельная газета «Сылдысчыгаш» была творческой лабораторией, где росли и закалялись кадры детских писателей. Со страниц этого издания начали свой творческий путь такие известные детские писатели, как Л. Чадамба, О. Сувакпит, Е. Танова, Э. Кечил-оол и многие другие. Газета «Сылдысчыгаш» сыграла огромную роль в творчестве Э. Кечил-оола [Чамзырын, 2009, с. 10].

В 1967 году вышел первый сборник стихов для детей Э. Кечил-оола под названием «Чечектерим» («Мои цветы»), состоящий из сорока стихотворений на различные темы, принесший автору настоящий успех (книга была переиздана 1993 году). Спустя годы многие стихотворения из этого сборника, благодаря своей поэтической мелодичности, стали любимыми песнями детворы.

В последующие годы с 1970 по 2004 годы из-под пера писателя вышли следующие сборники стихов и прозы на тувинском языке, предназначенные для детей школьного и младшего возраста: «Дээрде капуста» («Капуста в небесах»), «Чарыш аьды мунганым» («Мальчик на скакуне»), «Хөглүг чай» («Весёлое лето»), «Мээң олчам» («Моя добыча»), «Экии, хүнүм!» (Здравствуй, солнышко!), «Девидээн ада» («Взволнованный отец»), а также антология стихов и рассказов «Экии, хүнүм!» («Здравствуй, солнышко!»).

Для самых маленьких Э. Кечил-оол посвятил стихотворения: «Первые шаги», «Садик мой», «Я не забыл и не забуду», где поэтические образы ассоциируются с первыми шагами малыша, первой воспитательницей, первым школьным звонком. Стиль этих строк очень легкий, автор разговаривает с ребенком, как будто он его ровесник, на понятном ему языке.

От облачка у школы тень.

Звонок звенит – ну просто чудо!

Тот самый первый школьный день

я не забыл и не забуду.

(Пер. Ю. Щербака)

В своих произведениях автор старается обратить внимание и на взаимоотношения близких людей в семье, учит детей правильно оценивать поступки персонажей рассказов и стихотворений, заботиться о близких людях. Например, в стихотворении «Шоодунар» (Ой, как стыдно!) говорится:

- Сын, начисти мне картошки:

надо в суп, совсем немножко.

Сын в ответ:

- Я не девчонка!

... Закипел на печке суп

из картошки, мяса, круп –

Кара-оол бежит скорей:

- Мама, супу мне налей!

(Пер. Ю. Щербака)

Э. Кечил-оол как педагог внимательно присматривался к детям, неподдельно любил их, и как учитель начального и основного общеобразовательного учреждения, прекрасно ориентировался в детской психологии, как самых маленьких, так и подростков. Эти качества особенно ярко выражены в стихотворении «Кады ойнаал» («Поиграть хочу с тобой»):

Дождь прошёл,

Не слышно грома.

День как шарик голубой.

Мальчик, выходи из дома,

познакомимся с тобой!...

(Пер. С. Козловой).

В следующем стихотворении «Бодум бодааш, амыраар мен» («Трудная задача») автор описывает, как подростка вызывает поиграть соседский мальчик, тем самым, заставляя ребенка подумать над такой жизненной ситуацией:

Стук в окошко:

«Эй, не слышишь?»

Брось учебник и тетрадь!

У меня решение спишешь.

Выходи!..

Идём играть!»

...Он плотней прикрыл окошко.

«Не мешай-ка друг-сосед!

Посижу ещё немножко

и решу – сомнений нет!»

(Пер. Ю. Щербака)

Темы стихов Э. Кечил-оола определяются привычным кругом интересов малышей: родной дом, близкие люди, любимые игрушки, домашние животные. Животным посвящены: «Бызаам» («Телёнок»), «Анайларым – ийиспейлер» («Козлята»), «Кас оглу биле Дилгижек» («Гусёнок и цыплёнок»). Животные в его стихах – близкие, знакомые, тоже «домашние».

*Я козляток, резвых, ловких,
свежей травкой накормлю.
(Пер. Ю. Щербака)*

В стихотворении «Телёнок» образ животного создаётся Э. Кечил-оолом иначе, качество присваивается телёнку в момент знакомства с ним. Обычно его детские стихи написаны от первого лица:

*Мне приятно, право слово,
что с телёнком мы друзья,
и что мамочку-корову
любит он, как маму – я!
(Пер. Ю. Щербака)*

Э. Кечил-оол, используя различные тропы, стремился воспитать у детей любовь и уважение к родной земле, своему народу. Например, стихотворение «Бедиктерниц бедии Россия» («Моя Россия») посвящено родной стране, своей маленькой родине Туве:

Россия моя судьба, сила, родной аал, ты вырастил меня.

Каждый писатель – дитя своего времени. Э. Кечил-оол жил, творил в советское время и поэтому многие стихи посвящены Ильичу, пионерии, октябрятам: «Пионержи уруглар бис» («Мы – пионеры»), «Өөреникчи оол мен» («Я – мальчик»), «Ильичиниң портреди» («Портрет Ильича»).

В стихотворении «Мы – пионеры» в переводе Ю. Щербака говорится:

*Я – мальчик.
Родился в советское время,
Живу я в привольной Советской Туве.
И красное знамя, над школою рея,
Пылает весёлым огнём в синеве.*

Стихи Э. Кечил-оола для детей пронизаны пониманием, что их нужно ненавязчиво, но уверенно сопровождать по жизни, пока они не станут самостоятельными. Им был написан цикл сатирических детских стихотворений «Дүндүе бээр Коңгаржык» («Коңгаржык»), «Ийи «маадыр» («Два «героя»), «Ийи»-биле өңнешпе» («Не дружи с «двойкой»), «Каттыржыңар, шоодуңар» («Смейтесь над ними»). Интересно, что в них осмеиваются не только детские недостатки, но и пороки взрослых людей.

В приключенческих произведениях «Ак-Тостуң ужураалдары» («Ак-Тос»), «Паганың аянчоруу» («Путешествие Лягушки»), «Дээрде капуста» («Капуста в небесах») возникают романтические и сказочные картины. В рассказе «Капуста в небесах» в шуточной поэтической манере рассказывается как воришку зайца пугал каждый звук, и даже собственного сердца перестук:

*...Как вдруг капуста перед ним! -
Лежит она, кругла, крепка,
И словно движется слегка...
Тропкою лесной, к капусте бросился косой.
И вот бежит за ней всю ночь.
Капуста убегает прочь.
Хоть ноги заячьи длинны,
Но не догнать ему луны!
(Пер. В. Потёмкиной)*

В произведении «Ак-Тос» автор знакомит юного читателя с маленьким щенком, глупышом Ак-Тосом, который резвился весь день: если курицу увидит, выдрать хвост он ей готов. Увидев телёнка, он залаял звонко и прыгнул на него, на прохожих громко лаает, ни минуты не желает отдохнуть в своей конуре. Всем он не даёт покоя и в конце произведения рисуется такая картина:

*...пёс с обрыва
покатился камнем вниз.
И поток воды бурливый
заглушил щенячий визг.
Так он утихомирился, наш Ак-Тос.
(Пер. Ю. Щербака)*

Как видно, яркие самобытные стихи детского поэта Э. Кечил-оола основываются на удивительно поэтичном видении мира, глубоком постижении детской психологии, знании специфических законов детской литературы, органической связи с народным творчеством.

Э.Кечил-оол успешно выступил и в прозе для детей младшего возраста и опубликовал следующие сборники: «Чарыш аьды мунганым» («Мальчик на скакуне»), «Мээң олчам» («Моя добыча»), в которые включены короткие рассказы на различные темы, поучительные истории из жизни детей.

В прозаических произведениях автор опирается на традиционную культуру и богатое наследие народной поэзии, которое помогло ему создать мир детства радужным и творческим.

Э. Кечил-оол по профессии учитель, что накладывает отпечаток в его творчестве: он «изобретает» героев, сюжеты, сами формы произведений, уделяя особое внимание школьной жизни и взаимоотношениям среди детей, их дружбы. На эту тему он создал такие рассказы, как: «Үндүр имнедипкен» («Вызвали»), «Шолалатканым» («Дали прозвище»), «Кеземче» («Наказание»), «Тааннарның хайы» («Беда Галок»). Эти произведения посвящены детям младшего школьного возраста. Например, в рассказе «Дали прозвище» третьеклассник Опей-оол начал собирать всякие значки без разбору. Так много собрал, что негде их хранить. Всё это никому не показывал, даже отцу и матери: *И вот 23 февраля приколот всех их на грудь и пошёл в школу. Сидит в классе, ни у кого нет таких орденов. Оказалось, что у него не ордена, а значки «Останкино», «Шахтёр», «Артек», «Почта», «ЦТ» и другие, за что ему дали прозвище «Орденосный».*

Э. Кечил-оол попытался на языке прозы рассказать о том, что печалит и заботит ребенка. В его коротких рассказах события показываются живо и непосредственно через восприятие ребенка, ярко раскрывается мир детей.

Многие рассказы автора звучат как поэтические сказки, образность которых построена на философских размышлениях о жизни. Это можно проследить в стихотворных сказках: «Чыраа кулун» («Жеребенок»), «Үрер-Ирей» («Старик Мороз»), «Дилгижек оол биле Адыг» («Лисенок и Медведь»). Через образы животных воспитывается внимательное, сочувственное и бережное отношение к братьям меньшим. Структура этих произведений построена в форме типичных кумулятивных народных сказок тувинцев.

Проза Э. Кечил-оола по-прежнему волнует подрастающее поколение и помогает их нравственному и эстетическому воспитанию. Именно поэтому его стихотворения и проза вошли в антологию тувинской детской литературы. Кроме этого, произведения автора также включены в круг детского чтения для дошкольных учреждений, в учебники и хрестоматии начального и основного общеобразовательного учреждения Республики Тува.

Э. Кечил-оол известен и как переводчик классиков детской поэзии. Он перевёл на тувинский язык произведения русских писателей и поэтов: А. Барто, Ю. Корица, С. Баруздина, С. Маршака, Т. Шевченко, С. Есенина, Т. Новичкова, М. Андропова, Р. Заславского, Г. Принцевой, А. Емельянова. Он является членом Союза журналистов СССР и Союза писателей Республики Тува.

Творчество Э. Кечил-оола оказало большое влияние на формирование поколения писателей, вошедших в тувинскую детскую литературу в 80-90-е годы XX века. Его жизнь и творчество – олицетворение светлого и доброго для нескольких поколений детей, со времен СССР и до сегодняшних дней.

Таким образом, детские произведения Э. Кечил-оола, как и произведения других тувинских писателей, исследующих мир детства, являются литературой гуманистической, утверждающей идеалы человеческой нравственности и поэтому обладают огромным воспитательным потенциалом. Они и в XXI веке открывают тувинским детям мир национальной культуры и помогают решать важнейшие задачи нравственного и эстетического воспитания.

Список литературы

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребёнка в детской субкультуре. М., Воронеж, 2000. 236 с.
2. *Мижит Э.* Бичиилгерге ынаам хөлчөк // Э. Кечил-оол. Экии, хүнүм! Шүлүктер, чечен чугаалар. Кызыл: ТНУЧ, 2004. Ар. 3-6.
3. *Сивоконь С.И.* Уроки детских классиков. М.: Дет. лит., 1990. 286 с.
4. *Чамзырын Е.Т.* Этнопоэтические особенности тувинской детской прозы. Кызыл, 2009. 158 с.

Тексты

1. Антология тувинской детской поэзии. Тыва уругларга шүлүк чогаалының антологиязы. Т. I. Радужная моя Тува. Для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Кызыл: Тувинское кн.изд-во, 2014.
2. Драгоценная моя Тува. Антология тувинской детской литературы. Т. II. Для среднего школьного возраста. Кызыл: Тувинское кн.изд-во, 2017.
3. *Кечил-оол Э.* Хөглүг чай. Уругларга шүлүктер. Кызыл: ТНУЧ, 1975.
4. *Кечил-оол Э.* Девидээн ада. Кызыл: ТНУЧ, 1998.
5. *Кечил-оол Э.* Дээрде капуста. Уругларга шүлүктер болгаш тывызыктар. Кызыл: ТНУЧ, 1970.
6. *Кечил-оол Э.* Летящая тарелка. Кызыл: ТНУЧ, 1977.
7. *Кечил-оол Э.* Мээң олчам. Чечен чугаалар. Кызыл: ТНУЧ, 1981.
8. *Кечил-оол Э.* Чарыш аьды мунганым. Уругларга шүлүктер, шоодуглар. Кызыл: ТНУЧ, 1973.
9. *Кечил-оол Э.* Экии, хүнүм! Уругларга шүлүктер – Кызыл: ТНУЧ, 1983.
10. *Кечил-оол Э.* Экии, хүнүм! Шүлүктер, чечен чугаалар. Кызыл: ТНУЧ, 2004.

10.01.10

Ю.В. Шуйская

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики,
кафедра теории и практики периодической печати,
shujskaya@yandex.ru

СТРУКТУРА ДИСКУРСА РАЗВЕРНУТОЙ АННОТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ О КИНО

Статья посвящена жанру аннотации кинофильма, предназначенной для потенциального зрителя. Аннотации – анонсы кинофильмов, помещаемые в периодических изданиях, а также на сайтах этих изданий, предопределяют решение зрителя – собирается ли он смотреть данный фильм, думает ли посетить киносеанс и пр. Схемы макрокогезии, используемые в данном случае, определяются общей направленностью и политикой издания и чаще тяготеют к варианту радиальной схемы со смысловым центром в виде жанровой характеристики и основных особенностей анонсируемого фильма.

Ключевые слова. *Пресса, журналы о кино, кинофильм, структура текста, анонс фильма, аннотация.*

Журналы о кино принадлежат к рекреативной сфере – то есть, сфере отдыха и развлечения. Большинство современных журналов о кино предназначены для широкой публики (а не для профессионалов), информируют ее о новых фильмах, публикуют новости из жизни актеров и режиссеров. В классификации Ю.В. Рождественского журнальная словесность определяет у потенциального потребителя текста дальнейшее восприятие научной литературы и во многом близка к ней по содержанию.

«Журнальная литература предшествует научной в том смысле, что направляет внимание читающей публики. Способом направить внимание читающей публики является система научных жанров, которые делятся по смысловому содержанию на три категории:

- а) сообщения о житейских и литературных событиях: информация и аннотации;
- б) сообщения о системе публикаций: библиография и обзор (литературы);
- в) аналитические материалы, соотносящие события (житейские и литературные) и систему публикаций: рецензия и обзор (аналитический)» [3, с. 550 – 551].

Специфика журналов о кино в системе других журналов заключается в том, что в них преобладают тексты первого типа (правда, речь идет не о литературных, а о кинематографических новинках, но, тем не менее, особенности жанра остаются теми же самыми), причем, в отличие от обычных журналов, посвященных рекреативной тематике, в журналах о кино преобладают тексты-аннотации – краткий рассказ о содержании фильма с тем, чтобы зритель решил, стоит или не стоит его смотреть. Если, следуя терминологии Ю.В. Рождественского, информация – это символ события, а аннотация – это символ символа, то в публицистике, посвященной кино, преобладает символика второго уровня. Аннотация, помещенная в журнале, символизирует фильм, а сам фильм символизирует события нашей жизни.

Символика второго уровня предполагает двойное декодирование. При создании символов первого уровня происходит кодирование смысла в знаки. При создании символов второго уровня смысл, содержащийся в знаках, кодируется в знаки еще раз, в мета-знаки.

Аналогию этому процессу можно найти, например, в лингвистике. Человек, называя явление действительности каким-либо словом, создает знак. Из множества знаков создается язык. Для изучения языка необходим вспомогательный язык, метаязык, описывающий не действительные, а языковые реалии (термины «существительное», «глагол», «подлежащее», «сказуемое» и пр.).

Таким метаязыком для фильмов являются помещаемые в журналах о кино аннотации. Однако в данном случае происходит еще более сложный процесс преобразования смысла. Создатели фильма не просто перекодируют окружающую нас реальность в что-то, что ей не является (кадры на пленке), но еще и осуществляют отбор фактов и событий реальности, подлежащих этому перекодированию. Составители аннотации на этот фильм не просто перекодируют содержание фильма в слова, но также производят отбор фактов и событий фильма, чтобы привлечь к нему внимание зрителя.

В связи с этим, журналы о кино представляют собой более сложный тип текста, чем, например, журналы о стиле жизни. Для объяснения техники двойного декодирования, происходящего в сознании читающего журнал, можно воспользоваться известным платоновским мифом о пещере. В трактате «Государство», посвященном устройству идеального государства, Платон резко выступает против искусства. Мотивирует он это следующим образом: те вещи и предметы, которые видят люди – это лишь тени, причем неверные, искаженные тени, а истинная сущность вещей недоступна простому созерцанию. Поэтому искусство вредно – подражая действительности, оно снимает несовершенную копию с несовершенной копии и вводит людей в заблуждение. Для объяснения того, что же видят люди, Платон устами Сократа рассказывает миф о пещере: в темной пещере перед освещенной стеной сидят люди. За их спинами проходят другие люди, несущие на голове различные корзины и кувшины. Свет падает таким образом, что людям, находящимся в пещере, видны лишь движущиеся тени корзин и кувшинов на стене. Они не видят ни их самих, ни тем более тех, кто их переносит. Слыша голоса несущих людей, они, очевидно, считают, что это тени посуды разговаривают между собой, так как ничто другое недоступно их зрению. Настолько же, как полагал Платон, наше видение мира отличается от того, что есть на самом деле.

Текст, прошедший двойное кодирование, похож на тени кувшинов на стене пещеры. Фильм, как и любое произведение искусства, говорит нам что-то о нас самих, но не прямо, а через символы. Аннотация фильма говорит нам что-то о фильме, но не прямо (скажем, не нарезкой кадров, как телевизионная реклама фильма), а опосредованно – через слова. Читая журналы о кино, человек вынужден обратно раскодировать эти смыслы. И если при прочтении обычных журналов он делает это один раз, то при прочтении журнала, посвященного кино (как и любого другого журнала, посвященного искусству) он делает это дважды.

Структура текста о кинофильме в этом случае призвана сформировать первичный знак – условное представление о фильме, способствующее принятию решения «смотреть или не смотреть». Следует отметить, что часть читателей обращается к восприятию анонсов фильмов не «до», а «после» прочтения – условно выражаясь, чтобы сверить свои впечатления с впечатлениями создателей аннотации.

258 аннотаций к фильмам в различных журналах – как посвященных кино, так и не специализированных в области кинотематики – были проанализированы с целью установить специфику структуры их текста как инструмента воздействия на потенциальную аудиторию. Для анализа были использованы схемы макрокогезии [4, с. 20 – 29], среди которых выделяются радиальная, цепочечная и дихотомическая.

Гипотеза исследования первоначально состояла в том, что структурно анонсы кинофильмов будут представлять собой относительно последовательный пересказ сюжета – что приближает их к цепочечной схеме изложения – либо вариант схемы AIDA [4, с. 17]. AIDA представляет собой гипнотическую технику – потрясение в начале должно поразить слушателя настолько, что он начнет приходить в себя только на этапе интереса, но визуализация – картинка, нарисованная словами (а если речь идет о телерекламе, то и не словами) вновь отвлекает его. Сообщение о том, что же надо делать, ложится на подготовленную почву – потрясенное сознание готово пустить в подсознание все, что угодно. Среди специалистов по НЛП известно, что гипнотизирование – это проникновение в правое полушарие, минуя левое [1, с. 229]. Есть разные способы обойти левое полушарие –

усыпить его, как при обычном гипнозе, потрясти, как в начале АИДы, увлечь чем-то, как в ее третьей части. Схема AIDA представляет собой, фактически, двойной гипноз, так как в ней используются сразу два приема привлечения внимания.

Профессиональные журналисты, телевизионщики, бизнесмены, связанные с медиасферой, осведомлены об этой схеме, поэтому она не потрясает их воображение. Гораздо более эффективна в расчете на такую аудиторию «честная игра»: заголовок в двух словах объясняет потенциальному читателю (занятому человеку, у которого мало времени), что он может увидеть в этой статье. Это, вероятнее всего, объясняет преобладание среди проанализированных аннотационных текстов радиальной схемы (66% от общего объема) с центральной идеей в виде жанровой принадлежности фильма (боевик, кинокомедия, романтическая мелодрама и пр.) и его сюжета-слогана, выраженного в краткой форме. Далее остальные части текста представляют собой развитие темы, например:

Короткометражка недели: «Мост» (Чехия/США, 32:48)

Фильм, иллюстрирующий одну из канонических морально этических дилемм. Отличный предмет для споров после просмотра!

Эта простая, но действенная короткометражка номинировалась на «Оскар» в 2004 году. Премий не получила и все же стала так популярна в народе, что даже существует в русифицированной версии.

О чем история, подробно лучше не рассказывать, так как существует опасность сболтнуть лишнее. Скажем так: это история о таком трудном выборе, по сравнению с которым твои ежедневные метания и колебания кажутся сущей безделицей.

Итак, смотрим получасовую драму «Мост» (Most), снятую в 2003 году режиссером Бобби Гарабедианом. [2]

Данный текст выбран как эталон современного анонса на кинофильм: между смысловым центром «Короткометражка недели: «Мост»...Фильм, иллюстрирующий одну из канонических морально этических дилемм» и концовкой – призывом «Итак, смотрим...» содержатся мало связанные когезией текста фрагменты информации о фильме, каждая из которых непосредственно связана только с центральной идеей: общей характеристикой фильма как такового. Применительно к данному фильму такими фрагментами являются сообщение о номинации на «Оскар» и краткое изложение сюжета. К этим фрагментам информации можно также причислить знак первого порядка: стоп-кадр из фильма, иллюстрирующий моральную тяжесть выбора (искаженное страданиями лицо главного героя).

Радиальная структура аннотации отвечает динамике современного восприятия текста и манере потребления «информационного фастфуда» - зачастую текст средств массовой информации воспринимается через призму постоянной занятости, в качестве «информационного фона». В этом случае радиальная структура позволяет донести ключевое содержание текста.

Список литературы

1. Горин С.А., Котлячков А.В. Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью... - М.: Твои книги, 2018. – 352 с.
2. Журнал МАХІМ, № 8, август 2019. – 100 с.
3. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Флинта, 2015. – 544 с.
4. Шуйская Ю.В. Структура эффективного выступления: динамика риторической диспозиции (на материале европейской речевой практики). – Автореферат дисс. ... д.ф.н. – М., 2017. – 40 с.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Л.К. Байрамова д-р филол. наук

Казанский федеральный университет,
кафедра русского языка и методики его преподавания,
Казань, luiziana08@mail.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОДЫ ОБРАЗНЫХ КОМПОНЕНТОВ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О РОДИНЕ**

В статье анализируется семейный (фамильный) код образных компонентов русских, татарских, английских, немецких и французских фразеологизмов о родине / чужбине, устанавливаются сходства и различия в культурном осмыслении образов.

Ключевые слова: лингвокультурологический, родина, чужбина, образ, код, фразеологизм, семейный (фамильный).

Лингвокультурологическая информация фразеологизма связана с определенными кодами. Как отмечает В.Н. Телия, можно установить «соотнесённость фразеологизма в целом или отдельных его компонентов с кодами культуры – теми реалиями, которые человек уже награждает культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма. Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т.п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного, духовно-религиозного и под.» [13, с. 13].

Так, аксиологема «Родина» может быть выражена фразеологизмами, компоненты которых соотносятся с определёнными кодами культуры. Они, по выражению В.Н. Телия, «служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма» [13, с. 13]. Как показывает наш материал, это следующие коды: антропонимный, духовно-религиозный, зоонимный, космический, орнитонимный, пищевой, природно-ландшафтный, семейный (фамильный), соматический.

В русских, татарских, английских, немецких, французских фразеологизмах о Родине / родине – чужбине компоненты соотносятся с указанными кодами культуры.

Остановимся на основополагающем семейном (фамильном) коде.

Компоненты русских фразеологизмов о родине образно представляют членов семьи.

– **мать:**

Родина – мать, умей за неё постоять. Родина-мать зовёт! публ. *высок.* – призыв к борьбе за освобождение, спасение Родины. Это название агитационного плаката художника И.М. Тоидзе (1941). В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков, появились агитационные плакаты, призывавшие к борьбе с врагом. Среди них наиболее популярным стал плакат «Родина-мать зовёт!», на котором изображена женщина – символ за независимость и свободу Родины [14, с. 204-205].

См. также: *У матери-родины длинна рука на ласку. Одна у человека мать, одна и родина.*

Лексема *мать* используется как выражение культурного кода и при обозначении городов родины: *Мать городов русских, книжн. высок.* – древнее наименование Киева в русских летописях [1: 1, с. 602].

В следующем фразеологизме семейный культурный код связан с образом матери, которая называется ласково: *матушка*. А родина, Россия – *Матушка Русь: Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, Матушка Русь!* – Н.А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо». 1868.

И как противоположность лексемам *мать, матушка* используется лексема

– *мачеха*:

Так, противопоставляя родину – чужбине, используется во фразеологизме и противопоставление: *мать – мачеха: Родная сторона – мать, чужая – мачеха.*

Семейный код раскрывается и следующими лексемами.

– *отец*:

Край отцовский – родина (авторский фразеологизм Д. Матвеева): *Здесь военное детство моё / Отшумело, как крыльями стая, / Да святится имя твоё, / Край отцовский, судьба вековая.*

– *родители*:

Родительский дом: Родительский дом – начало начал. / Ты в жизни моей надёжный причал. / Родительский дом, пускай много лет / Горит в твоих окнах добрый свет! – Это первая строка припева песни В.Я. Шаинского на стихи М.М. Рябинина «Родительский дом».

– *дед*:

... посёлки, что дедами пройдены... – родина. Строки из стихотворения К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины» (1941): *Ты знаешь, наверно, всё-таки родина – Не дом городской, где я празднично жил, / А эти посёлки, что дедами пройдены, / С простыми крестами их русских могил.*

– *сын*:

Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь – тебе, все наши помыслы – с тобой! (М. Шолохов) *Родина слышит, Родина знает, / Где в облаках её сын пролетает: / С дружеской лаской, нежной любовью / Алыми звёздами башен московских, / Башен кремлёвских / Смотрит она за тобою.* (Зачин каждой строфы в песне Д.Д. Шостаковича на слова Е.А. Долматовского (1950) [1: 2, с. 304]).

– *жена*:

Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству. (А.П. Чехов) [3, с. 202].

– *муж*:

Муж – дому строитель, нищете отгонитель.

– *невеста*:

Примером являются строки из «Песни о Родине» на слова В. Лебедева-Кумача; песня впервые звучала в кинофильме «Цирк» (1936):

Как невесту, Родину мы любим, / Бережём, как ласковую мать ...

– *семья*:

Великая семья братских народов – советская родина. Советский Союз объединил народы разных национальностей на основе равноправия и братской взаимопомощи.

См. также: *Семейный очаг, ритор.* – свой дом, семья.

2. Культурное осмысление образов татарских фразеологизмов о родине осуществляется семейным (фамильным) кодом в следующих образах:

– *ана* (мать):

Туган анам – сөйгән Ватаным. (М. Жәлил) – Моя родная мать – моя любимая Родина.

Ватан – икенче анаң. – Родина – твоя вторая мать. Источником этого фразеологизма является произведение К. Насыри «Кабуснама» [7: 3, с. 49]. *Туган илең – туган анаң.* – Твоя родина – родная мать [7: 3, с. 51]. *Милләтнең анасы.* – Сююмбике (букв. мать нации). Автором этого выражения является татарский писатель Ф. Амирхан. Его рассказ «Сюембикә» посвящен казанской царице Сююмбике.

Ана теле – родной язык (букв. язык матери).

– *ата* (отец):

Ата туфрак – родина (букв. земля отцов) [6: 1, с. 99]. *Ата йорты* – отчий дом (букв. дом отца). *Ватан – атаң* (букв. Отчизна – твой отец) [7: 3, с. 49].

– **ата-ана** (отец-мать):

Ата-ана йорты – отчий дом (букв. дом отца-матери). *Ата-аналарны һәм туган илне чит илдә таба алмассың.* – На чужбине не найдёшь ни родины, ни родителей.

– **ул(ы)** (сын):

Ата улы гына булма, Ватан улы да бул. – Будь не только сыном своего отца, но и сыном своего Отечества [12, с. 610].

– **бабай** (дед / дедушка):

Бабайлар йорты – родительский дом (букв. дом дедов). *Атам / бабам торган эфир – кендек каным тамган эфир* [7: 3, с. 49] – родительский дом (букв. Земля моего отца / моего деда – место, где капнула кровь, когда обрезали пуповину <связывающую новорождённого с матерью>).

– **эби-бабай** (бабушка–дедушка):

Эби-баба йорты – отчий дом (букв. дом бабушки-дедушки). *Эби-бабай туфрагы* – родина; земля предков (букв. земля бабушки-дедушки).

3. В английских фразеологизмах семейный код реализуется следующими образными лексемами:

– **mother** (мать):

the mother country – родина (букв. материнская страна); *the mother tongue* – родной язык (букв. материнский язык); *the Mother of Parliaments* – Англия (букв. мать парламентаризма). (Выражение создано государственным деятелем Дж. Брайтом. 1811–1889). *См.: England is the mother of parliaments* [8: 515].

– **father** (отец):

Father Knickerbocker, амер. – г. Нью-Йорк (букв. папаша Никербокер).

Это шутовское прозвище г. Нью-Йорка; по имени героя юмористической книги В. Ирвинга «Knickerbocker's History of New York». Knickerbocker – голландская фамилия, очень распространённая среди первых поселенцев Нью-Йорка [8: 265]. *Father Thames* – р. Темза (букв. папаша Темза). – Прозвище реки Темзы [8: 265]. *Father Abraham* – Авраам Линкольн (букв. отец Авраам). Фразеологизм связан с прозвищем президента США Авраама Линкольна (1809–1865) [8: 264]; *the father of English poetry* – Дж. Чосер (букв. родоначальник английской поэзии). Фразеологизм связан с прозвищем писателя Дж. Чосера. 1340–1400); *the Father of English printing* – У. Кекстон (букв. родоначальник книгопечатания в Англии). Фразеологизм связан с прозвищем английского первопечатника У. Кекстона. (1422–1491) [8: 265]; *the Father of his Country*, амер. – Дж. Вашингтон (букв. отец своего отечества).

Фразеологизм связан с прозвищем Дж. Вашингтона – первого президента США (1732–1799) [8: 265].

– **son** (сын):

the favorite son, амер. устар. – любимый сын страны. Фразеологизм связан с прозвищем Дж. Вашингтона [8: 709].

4. В немецких фразеологизмах семейный код реализуется следующими образными лексемами:

– **Familie** (семья):

In den Schoß der Familie zurückkehren, высок. – вернуться в лоно семьи [2: 166].

– **Mutter** (мать):

wie bei Muttern, разг., шутл. – как дома [2: 408].

– **Vater** (отец):

Vater Rhein – Батюшка-Рейн. Фразеологизм отражает любовь немцев к Рейну, очень красивой и овеянной легендами реке: *Da sah ich lieben den Vater Rhein / Im stillen Mondenglanze / Sei mir begrübt, mein Vater Rhein, /*

Wie ist es dir ergangen? – Н. Heine. [9: 271].

– **Sohn** (сын):

die Söhne des Landes, высок. – сыны отечества.

5. Во французских фразеологизмах семейный код реализуется следующими образными лексемами:

– *enfants* (дети):

les enfants de la France – французы (букв. дети Франции) [15: 396].

– *fil* (сын):

les fils de la France – французы (букв. сыны Франции) [15: 480].

– *famille* (семья):

– *Où peut on être mieux qu'au sein de sa famille!* – Где может быть лучше, чем в своей семье! (Marmontel, 1723–1799) [11: 44].

– *ménage à trois* – буржуазная семья втроем: муж, жена и богатый содержатель [4: 860].

– *ménage parisien* – «парижский брак». Об обычном для парижан гражданском браке, заключаемом без участия церкви [4: 862].

Таблица

Семейный (фамильный) код компонентов фразеологизмов о родине

русск.	татар.	англ.	нем.	фр.
мать	ана	Mother	Mutter	
мачеха				
отец	ата	father	Vater	
отчий дом				
дед	бабай			
сын	ул(ы)	son	Sohn	fil
жена муж невеста				
семья			Familie	famille
семейный очаг				
	ата-ана (отец-мать) эби-бабай (бабушка-дедушка)			
				<i>enfants</i> (дети)
				<i>ménage à trois</i> (семья втроем) <i>ménage parisien</i> (парижский брак)

Наглядность Таблицы «Семейный (фамильный) код компонентов фразеологизмов о родине» раскрывает через образные компоненты-коды «наиболее существенные явления в истории языка» [5: 3] и общества.

Аксиологема *Родина* / *родина* осмысливается культурологически образно разными народами не только одинаково, но и оригинально.

Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 18-012-00056 /19.

Список литературы

1. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова / Под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. – 658 с.; 2009. – Т. 2. – 737 с.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.
3. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов. (В мире мудрых мыслей). – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 672 с.
4. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь. / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 2001. – 1195 с.
5. Иванова М.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во Литературного ин-та, 2006. – 160 с.
6. Исәнбәт Н.С. Татар теленәң фразеологик сүзлегә. – Казан: Татарстан: Татарстан китап нәшрияте, 1989. – Т. 1. – 495 с.
7. Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкәльләре. – Казан: Татарстан китап нәшрияте / Казань: Татарское книжное издательство, 2010. – Т. 3. – 799 б.
8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984. – Изд. 4-е. – 944 с.
9. Мальцева Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. – М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 350 с.
10. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. – М.: «Русские словари»; ООО Изд-во «Астрель»; ООО Изд-во «АСТ», 2001. – 2-е изд., испр. и доп. – 416 с.
11. Михельсон М.И. Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. – СПб, 1894. – 692 с.
12. Татарско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 865 с.
13. Теля В.Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, В.Н. Теля и др. / Отв. ред. В.Н. Теля. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2006. – 782 с.
14. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. – М.: Русский язык, 1979. – 238 с.
15. Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 1112 с.

10.02.01

¹Н.А. Бурмакина канд. филол. наук, ²А.Д. Гончарова, ¹Н.А. Карелина,
¹О.С. Хлякин канд. филос. наук

¹Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
кафедра латинского и иностранных языков,

²Красноярский государственный педагогический факультет им. В.П. Астафьева,
кафедра общего языкознания,
nata-burmakina@yandex.ru, dorogaya.darina2013@yandex.ru,
nataly_karelina@mail.ru, khlakine_oleg@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА В РЕЧИ СТОМАТОЛОГА

Авторы статьи проводят анализ функциональных коммуникативных качеств речи стоматолога в процессе беседы с пациентом, ребенком 13 лет. Исследование ориентировано на теорию Б.Н. Головина о лингвистическом осмыслении качеств хорошей речи. Работа учитывает идеи функционального подхода к описанию таких качеств, как логичность, точность, доступность, ясность, уместность и выразительность речи.

Ключевые слова: *коммуникативные качества речи, ясность речи, выразительность речи, функциональные коммуникативные качества, речь стоматолога.*

Ценность и востребованность доктора в современной коммуникации во многом зависит от его культуры общения: от того, насколько развита культура речи профессионала, который владеет не только нормами современного русского литературного языка, но и соотносит своё общение с коммуникативной целесообразностью [1, с. 46], соблюдает этические нормы с разными пациентами, стремится к максимальной осознанности, целесообразности речи [4, с. 17]. Было выявлено, что количество выделяемых исследователями коммуникативных качеств варьируется. Так, точность, логичность, чистоту, выразительность, богатство (разнообразие) в учении о коммуникативных качествах речи выделяют регулярно [2]; правильность, уместность, доступность, ясность, образность, действенность, а также понятность, эстетичность, лаконизм, краткость, полноту выделяют не все ученые [1, с. 51].

В данной работе были описаны такие важные коммуникативные качества речи врача, как ясность, понятность и выразительность на основе десятичасовой записи речи детского стоматолога. Особенно значимо для доктора соблюдать и такие качества речи, как логичность, богатство, точность, разнообразие речи, чистота и уместность, которые составят перспективу исследования.

Важным этапом анализа диалога врача и пациента является анализ понятности речи, которая связана с ее действенностью, эффективностью и зависит от характера используемых слов. Чтобы речь была понятной, врач ограничивает употребление слов, находящихся на периферии словарного состава языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости (стоматологические термины; иноязычные слова, не получившие широкого распространения; профессионализмы). Например, в ходе беседы доктор использует следующие термины: «коронковая часть зуба», «путевая вкладка», «имплантация», «абатмент», «титановый штифт», «виниры». Так, доктор использует термин «путевая вкладка», который сам и объясняет пациенту. По словам врача, путевая вкладка – «это имитация зуба, уже препарированная под коронку». В словарях не было термина «путевая вкладка», но был обнаружен термин «культевая вкладка» – это значит, что речь доктора была невнятной, что не позволило услышать слово правильно. Культевая вкладка – в словаре стоматологических терминов – это изготавливаемый индивидуально в лаборатории цельной литой микропротез (штифт), который помещается непосредственно в корень очень сильно или даже полностью разрушенного зуба [3].

Доктор использует в своей речи термин «абатмент»: «Эта конструкция, которая соединяет имплантат кости и саму коронку, которая будет как бы уже функционировать, как и для жевания, так и для эстетики». Словарь стоматологических терминов предлагает следующее определение – «часть дентального имплантата, выступающая в качестве связующего звена между собственно имплантатом и устанавливаемым на него протезом» [3].

Речь доктора не перенасыщена терминами, врач употребляет их наряду с общей лексикой, попутно разъясняя каждый термин. Отсюда следует, что речь доктора является коммуникативно понятной. Особенность речи стоматолога заключается в активном использовании диминутивов: *зубчик, зеркальце, дырочку, улыбочку, сережечки, цепочечку, штучку, зубки, водичку*. Но эта особенность не приводит к нарушению коммуникативной целесообразности.

В предложении «Он, как у терапевта надо посмотреть будет кариозные полости, также потом и ортодонта» нарушена смысловая целостность, что ведет к ослаблению таких коммуникативных качеств речи, как ясность и понятность. Тема данного предложения подсказывает, что намерением говорящего было закончить мысль, начатую в предыдущем предложении. Под местоимением «он» подразумевалось слово «снимок». Доктор вводит новую тему, которая нарушает смысл высказывания: «как у терапевта надо посмотреть будет кариозные полости, также потом и ортодонта». В данном предложении может быть применена следующая правка: «Его (то есть снимок) как у терапевта надо будет посмотреть, так и у ортодонта».

Сложное синтаксическое целое соответствует устной разговорной речи, понятно в живом общении врача с ребёнком: «Смотри, эту штучку я поставлю сюда. Тут есть ямочки, в ямочки надо попасть передними зубами, то есть прикусить, вот, смотри, вот такие полоски, надо захватить их зубами, с нужно будет прислонить голову. Ты не боишься, он зафиксировал. В этих расщелинах фото будет делать аппарат, потом мы выйдем, вместе будем наблюдать» (контекст после восстановления смысловой связи слов: «Смотри, эту часть я поставлю сюда. Тут есть выемки, в которые нужно попасть передними зубами, то есть прикусить, здесь также есть полоски, которые необходимо захватить зубами, а сейчас нужно прислонить голову к аппарату. Не бойтесь, произошла фиксация. Сейчас аппарат сделает снимок. Затем мы вместе пронаблюдаем результат снимка»).

Заключительный этап анализа коммуникативных качеств речи в диалоге врача и пациента – анализ выразительности речи. Выразительность речи усиливает её эффективность, помогает врачу донести до пациента информацию более красочно. В речи доктора есть ряд метафор – скрытых сравнений: «бактерии не сидят на месте», «они живут полноценной жизнью, размножаются». Врач приводит еще один интересный пример из жизни бактерий: «а ночью мы-то спим, а тут ничего не спит». Сравнение жизни бактерий с человеческой жизнедеятельностью используется для того, чтобы юному пациенту стал понятнее данный процесс. Врач использует средства выразительности, чтобы вызвать у пациента стойкое желание тщательно ухаживать за зубами в течение дня, а особенно в вечернее время перед отходом ко сну.

Для того, чтобы заинтересовать пациента, врач задает риторические вопросы: «как закрывается у нас такой дефект?», «и ты ложишься спать, и что?» Смысл использования риторического вопроса состоит в том, чтобы усилить эмоциональное воздействие на пациента, привлечь его внимание к предмету речи. Используемые лексические повторы «улыбнись», «улыбочку покажи», которые можно отнести к средствам речевой выразительности.

В диалогах есть и риторические повторы: «улыбнись, улыбочку покажи», «уже взрослая, уже стоматолога точно не боитесь». Речевые повторы не всегда являются ошибкой. Повторы используются для смещения смыслового акцента на повторяющиеся слова. В данной ситуации они усиливают значение сказанного, и, как следствие, помогают расположить пациента к себе. С их помощью доктор создает приятную психологическую обстановку, в которой ребенок может с легкостью расслабиться. Выразительность речи врача создается за

счет уместного использования средств речевой выразительности и служит для усиления действенности высказывания, поддержания внимания и интереса слушателя.

Итак, правильность речи врача, точность языка, четкость формулировок, умелое использование медицинских терминов, иностранных слов, уместное применение выразительных средств, богатство индивидуального словаря повышают эффективность общения, усиливают действенность устного слова. В ходе исследования были выделены качества речи, которые составят перспективу исследования (ясность, понятность и выразительность).

Список литературы

1. *Аннушкин В.И.* Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2013. – 88 с.
2. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 225–317.
3. Словарь стоматологических терминов. URL: <https://www.32top.ru/terms/> (Дата обращения: 10.04.19).
4. Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹Б.Б. Базарова канд. филол. наук, ²Н.А. Бохач канд. педагог. наук

Бурятский государственный университет,
Институт филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций,
¹кафедра английского языка и лингводидактики,
²кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
Улан-Удэ, bbbazarova@mail.ru, nbokhach@mail.ru

ОБРАЩЕНИЕ К КОРПУСУ В КУРСЕ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена корпусному подходу в лингвистических исследованиях. В работе обращается внимание на возможность обращения к корпусному материалу при обучении переводу. В качестве примера используется Национальный корпус русского языка.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, электронный корпус, Национальный корпус русского языка, английский язык, практика перевода.*

Наука сегодня все больше развивается в русле информационно-телекоммуникационных систем и в связи с этим корпусную лингвистику (далее КЛ) можно отнести к приоритетным направлениям современной лингвистики. Известно, что главной целью КЛ считают лингвистическое описание языковой системы, когда речевой материал, полученный в ходе изучения коммуникации людей, отражается в корпусе текстов [1, 113]. Корпусная лингвистика дает материал для различного рода исследований языка и его вариантов, и определяет основной метод анализа текстов на базе корпусов. В своем обзоре корпусных исследований, говоря о методах корпусного анализа, С.Л. Мишланова и др. называют среди прочих наиболее распространенных обучение на основе данных - «обучение на основе данных (data-driven learning)... направлено на обучение «естественному, живому языку», дает возможность получения более точных данных о текущем состоянии современных языков, об особенностях и тенденциях их развития» [4, 2011: 296]. Более подробно см., например [8, 2011].

Использование корпусного подхода, как метода лингвистического исследования, основанного на корпусах текстов, в обучении студентов-лингвистов дает большие возможности для прикладного изучения языка, его функционирования в реальных средах и текстах. В лингводидактике выделяют прямое (direct applications) и косвенное (indirect applications) применения корпусов [6, 2013]. Косвенные применения корпусов востребованы, главным образом, преподавателями, так как помогают при отборе языкового и речевого материала для практических целей обучения: формирования языковых и речевых навыков или развития умений всех видов речевой деятельности. Прямые применения корпусов предполагают непосредственное обращение к ним не только преподавателей, но и обучающихся для целей изучения языка или анализа представленного материала в прикладных целях.

Помимо решения практических задач обучения иностранному языку применение лингвистических корпусов незаменимо для развития переводческих навыков и умений студентов-лингвистов. Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», среди профессиональных задач, стоящих перед будущим переводчиком, значится также проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области перевода [5].

В этой связи наряду с одноязычными корпусами (см., например, Британский национальный корпус), возможно обращение и к дву- и многоязычным корпусам, т. е. к параллельным, которые также обладают отличительными дидактическими свойствами и методическими функциями. Под корпусом параллельных текстов понимают «тип лингвистического корпуса, состоящий из исходного текста на одном языке и его перевода на другой или другие языки» [3, 2013: 59]. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) содержит в себе параллельные двуязычные и многоязычные корпуса, в том числе англо-русский, русско-английский. Д.О. Добровольский и др. считают, что подобный корпус представляет собой наиболее адекватный инструмент для выполнения целого ряда задач, в том числе переводческих [2, 2005].

Для иллюстрации возможностей корпусного подхода рассмотрим пример с лексемой *challenge* на материале параллельных подкорпусов НКРЯ – англо-русского и русско-английского. Выбор данной лексики обусловлен как ее многозначностью, так и активным использованием в современном дискурсе, публицистический, экономический политический типы которого используются на занятиях по практике перевода.

Объем всего корпуса представлен следующей статистикой: 2791 документ, 98 201 542 слов, пользовательский подкорпус представлен 24 677 638 словами. По интересующей нас лексеме найдено 95 документов с 236 вхождениями. Обзор указанных документов – текстов публицистического характера, художественных произведений (прозы), как известных классических произведений англоязычных и русскоязычных авторов, так и современных, выявил, что лексема *challenge* в корпусном материале встречается в функции глагола и существительного [9].

Прежде чем перейти к рассмотрению способов передачи данной лексики на русский язык, обратим внимание на ее словарные значения. Согласно Англо-русскому словарю В.К. Мюллера, семантическая структура существительного *challenge* представлена следующими значениями: п 1) вызов (на состязание, дуэль и т.п.), 2) сложная задача, проблема, 3) юр. отвод (присяжных); 4) оклик (часового), 5) мор. опознавательные (сигнал). У глагола зафиксированы следующие значения: v 1) вызывать, бросать вызов, 2) оспаривать; подвергать сомнению; 3) сомневаться, отрицать; 4) окликать (о часовом); спрашивать пароль, пропуск, 5) требовать (внимания, уважения и т.п.), 6) юр. давать отвод присяжным, 7) мор. показывать опознавательные сигналы [8].

Анализ примеров в параллельных подкорпусах показывает наиболее частотное использование глагола *challenge* в значении *вызывать (на дуэль и под.)* (29 примеров). Второе словарное значение (*оспаривать; подвергать сомнению*) в примерах встретилось в четырех контекстах. Следующее же значение (*сомневаться, отрицать*) не было нами зафиксировано. Значение *окликать (о часовом); спрашивать пароль, пропуск* – встретилось в 3 примерах. Лексико-семантический вариант (ЛСВ) *требовать (внимания, уважения и под.)* в нашей выборке представлен единичным случаем, так же, как и следующий ЛСВ (*давать отвод присяжным*). В последнем словарном значении (*показывать опознавательные сигналы*) данная лексема в нашем материале не встретилась. Кроме того, в корпусном материале были обнаружены следующие контекстуальные варианты перевода, не зафиксированные в указанном словаре (в скобках – встречаемость): *звать/вызывать* (3 случая); *отвести/отводить* (2); *остановить* (1); *объявить* (1); *драться* (1); *сравниться* (1); *(по)завидовать* (1); *лезть* (1); *выйти из положения* (1); *повлечь за собой* (1); *попробовать отыскать* (1). Встретились также случаи лексико-синтаксических преобразований – *недостаточно, чтобы...*, опущения, что объясняется межязыковой асимметрией.

Сопоставление текстов оригинала, содержащих существительное *challenge*, и переводных текстов дает следующую картину. Передача эквивалентным лексическим соответствием – *вызов* (86); *сложная задача, проблема* (8); ЛСВ *отвод (присяжных)* – не зафиксирован; *окрик/оклик* (5), *опознавательный (сигнал)* – не зафиксирован. Контекстуальные варианты передачи значения данной лексики: *угроза* (2); *опасность* (1); *препятствие* (1);

сложности (1); заботы (1); спорные ситуации (1); трудное испытание (1); самое трудное задание (1); возможности (1); создание (1); операция (1); случай (1); проверки (1); боевой клич (1). Встречаются случаи лексической и синтаксической замены, опущения, лексико-грамматические преобразования. Наибольшая частотность использования лексемы в первых двух значениях и многочисленные контекстуальные варианты передачи данной лексемы можно, вслед за П. В. Шакиным, объяснить тем, что слово *challenge* «представляет собой лексему с ярко выраженным этнокультурным фоном, специфика которого определяется актуализированной в культуре-доноре активной поведенческой позицией субъекта-агента, принимающего вызов» [7, 2016: 293]. Используемая в русскоязычном дискурсе лексема *вызов* в качестве лексического соответствия не передает эту специфику, более того, она не отражена в толковых словарях русского языка: лексема *challenge* обладает позитивными характеристиками, субъект выполняет задачу с удовольствием, зная какие плюсы принесет ему достижение успеха. В русском языке лексема *вызов* имеет негативную коннотацию: вызов всегда сопряжен с трудностями и проблемами. Подробнее см. [7, 2016].

Дальнейший анализ передачи рассматриваемой лексемы на русский язык может позволить найти ответы на многие вопросы, возникающие при обучении переводу, например, в каких случаях переводчики предлагают нестандартные решения, мотивированы ли отклонения от оригинала субъективными факторами или объективными межъязыковыми различиями между L1 и L2, накладывающими определенные ограничения на способы перевода исходных структур, какие решения переводчики находят для тех L1-структур, которые не вписываются в современные нормы, какими средствами языка L2 могут быть переданы особенности подобных структур, и многие другие [2, 2005].

Данным фрагментом анализа при работе с параллельным корпусом мы хотели лишь обратить внимание на возможности не только косвенного, но и прямого использования корпусов в обучении, в частности, в курсе практики перевода. Прямое использование корпуса обеспечивает «непосредственное взаимодействие обучающихся и преподавателей с реальным языковым материалом из корпуса; значительно больший потенциал языкового знания, чем у среднего носителя языка; «автономный» способ приобретения знаний о целевом языке и возможность узнавать интересующие обучающихся факты; превращение обучающихся в исследователей» [6, 2013: 155].

Представляется, таким образом, что возможности, предлагаемые корпусной лингвистикой (современные информационные ресурсы, корпусный материал, умения поисковой и аналитической деятельности), должны стать обязательным компонентом содержания обучения будущего переводчика.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Корпусная лингвистика // Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 112-137.
2. Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 263-296. (Статья доступна также по адресу: <http://ruscorpora.ru/old/sbornik2005/17dobrovolsky.pdf>)
3. Кокорева А.А. Корпус параллельных текстов в обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. – Вып. 2 (118). – 2013. – С. 57-62.
4. Мишланова С.Л., Пермякова Т.М., Аликина Е.Ю. Корпусная лингвистика vs лингвистика стереотипного и творческого // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермского гос. ун-та. – 2011. – С. 289-302.
5. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 N 940 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата). – URL: <http://fgosvo.ru/news/6/400> (дата обращения 18.05.2019)
6. Садовникова О.Э. Прямое и косвенное использование корпусов в зарубежной лингводидактике // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2013. – №2. – С. 152-161.
7. Шакин П.В. Вызов в современной русской лексикографической и дискурсивной практике: к вопросу об импорте концепта // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2016. – С. 289-295.
8. Англо-русский словарь Мюллера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/enru_muller (дата обращения 10.05.2019)
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.05.2019)
10. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения 11.05.2019)

10.02.04

¹Н.В. Гревцева канд. филол. наук, ²Н.А. Князев канд. филол. наук,
³Е.Н. Мельникова канд. филол. наук

^{1,2}Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
³кафедра лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков,
Пятигорск, tsarikevich@inbox.ru, nknyazev@pgu.ru, e.n.melnikova@mail.ru

АББРЕВИАТУРЫ-ИННОВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования структуры и семантики новых лексических сокращений в английском и немецком политическом дискурсе.

Ключевые слова: *политический дискурс, аббревиация, словослияние, структура, этимология.*

В данной статье будут рассмотрены лексические единицы, образованные посредством различных видов компрессии (словослияния, усечения, аббревиатуры, акронимы), которые появились в английском и немецком политическом дискурсе за последние 10-20 лет.

Цель статьи – описание этимологии и структуры аббревиатур и словослияний в двух языках.

Новизна настоящего исследования состоит в выявлении и описании аббревиатурных неологизмов, используемых в выступлениях политиков и прессе.

Материалом для исследования послужили тематические статьи в зарубежных изданиях, материалы, публикуемые в новостных источниках, а также информация, представленная в онлайн-гlossариях и базах данных, фиксирующих результаты неологических процессов, происходящих в английском и немецком языках.

Прежде чем перейти к анализу лексических инноваций, необходимо определиться с понятием «политический дискурс». Анализ лингвистической литературы показал, что термин «политический дискурс» употребляется в узком и широком смыслах. Как отмечает В.А. Маслова: «В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [цит. по: 4].

Как показало исследование, компрессивное словообразование – один из самых продуктивных способов создания новых лексических единиц в политическом дискурсе и, на наш взгляд, дело здесь не только в действии закона экономии языковых усилий, но и в том, что такие неологизмы скорее привлекут внимание целевой аудитории своей необычной формой, чем сложные многокомпонентные словесные конструкции.

Среди рассмотренных типов лексической компрессии особое место занимают словослияния или телескопные слова, характерной особенностью которых является ярко выраженная сознательность их создания и их двойственный характер («лингвистическая амбигуентность» [6]). Более того, как утверждают некоторые лингвисты, иногда даже бывают известны имена авторов этих слов, место и время их первого употребления [3]. Многие исследователи отмечают тенденцию к увеличению числа лексических единиц, созданных посредством телескопного словообразования [1,7]. Рассмотрим подробнее аббревиатуры-инновации в двух языках.

Образованные по модели словослияния две аббревиатуры Brexit и Grexit являются наиболее частотными в выступлениях британских политиков, а именно премьер-министра Т. Мэй [2:73], которая выступала за выход Великобритании из Евросоюза. Модель “название

страны + exit” – “Britain or British + exit = Brexit”, “Greece or Greek + exit = Grexit”. Аббревиатура Brexit была использована в соответствии с последним изданием Словаря Оксфорд в 2012 году: “the (proposed) withdrawal of the United Kingdom from the European Union, and the political process associated with it.” [10]. В этом же году данная аббревиатура была использована в июньском выпуске еженедельного журнала The Economist в статье “A Brixit looms”, как Brixit: “Yet the chances of Britain leaving the EU in the next few years are higher than they have ever been. A Brixit looms for several reasons.” [9].

Однако аббревиатура Grexit появилась в выступлениях политиков даже раньше, в начале 2012: “First, we raise our estimate of the likelihood of Greek exit from the eurozone (or ‘Grexit’).” [Citigroup Global Markets].

В англоязычном политическом дискурсе за время президентства Барака Обамы появились две аббревиатуры Obamacon и Generation O. Obamacon произошло от слияния двух слов “Obama + conservative”. Данная аббревиация имеет значение “A conservative voter who supports Democratic candidate Barack Obama in the 2008 United States presidential election” [10]. Впервые Obamacon было использовано в газете The Times от 12 января 2008 года: “A cheerleader (Esther McVey) for the new “Obamacons”, she has written breathlessly of a lunch with the Senator last May and has posted a picture of them together on her blog.” [The Times]. Данное словослияние представляет собой редкий случай, когда аббревиация несет отрицательную коннотацию, имеет яркий оттенок предательства консерваторов своего кандидата и голосования за кандидата от демократов.

Следующая аббревиатура также появилась во время президентских выборов в США 2008 года. Generation O состоит из лексической единицы и аббревиации, образованной от первой буквы фамилии кандидата в президенты Б. Обамы. Поколение людей примерно от 18 до 35, которые голосовали за Б. Обаму на президентских выборах, активно выражали свою поддержку кандидату и являлись основной целевой аудиторией предвыборных выступлений: “Generation O is that college kid at the White House gate early Wednesday morning, lifting his shirt to reveal “Obama” painted in red on his chest. ...And, of course, Generation O is the president-elect himself. ...” – [The New York Times].

Акроним RINO в англоязычном политическом дискурсе (Republican in name only) – a member of the Republican party who is viewed as being too liberal [9] – использовался еще во время президентства Била Клинтона в 1992 году: “Bill Clinton would have been proud of ...The Republicans were moving out and the Democrats and “RINOs” (Republicans In Name Only) were moving in.” [The Union Leader]. Однако в связи с выборами 2008 года многие члены партии республиканцев критиковались за либерализм: “I think if you’re a Republican in 2004 you’ve got to stand for a few things. ...Otherwise, what are Republicans good for? That’s why we keep saying [Arlen] Specter’s a rino – a Republican in name only – and let’s replace him with a real Republican.” [The New Yorker].

В современном политическом дискурсе используется образованный по такой же модели акроним DINO – a Democrat in name only, meaning a member of the Democratic party who is viewed as being too conservative. [9].

Что касается использования и образования политической аббревиации в современном немецком языке, то здесь наблюдается некоторая экспансия англо-американских сокращений-заимствований, активно появляющихся в языке в результате непрерывно развивающихся международных отношений. Как известно, чем более вовлеченной в международное сотрудничество оказывается та или иная сфера человеческой деятельности, тем большее количество соответствующей терминологии заменяется иноязычными словами [5:79]. В немецкоязычном политическом дискурсе активно используются такие англо-американские аббревиации, как *UNESCO*, *G7*, *EURATOM*, *PR*, *WAP*, *ECOSOC*, *BRIC*, *WTO*, *Summit*, *Speaker* и многие другие:

Auf die Frage von Journalisten, warum die für den 11. November geplante G7 abgesagt wurde, antwortete Tschischow, dass der Summit nicht abgesagt, sondern vertragt wurde [DWN 18/03/2016].

Анализ аббревиации политического дискурса современного немецкого языка показал, что тематически политические сокращения, появившиеся в языке в последние десятилетия, могут быть следующих типов [8: 345]:

- аббревиации, обозначающие международные организации: **SCO** - *Shanghai-Organisation für Zusammenarbeit*; **ECOSOC** - *Economic and Social Council*; **WTO** – *Welthandelsorganisation*;

- сокращения, обозначающие крупные международные форумы: **APEC** - *Asiatisch-Pazifische Wirtschaftliche Zusammenarbeit*;

- сокращения крупнейших политических событий: **KSE** - *der Vertrag über Konventionelle Streitkräfte in Europa*;

- аббревиации различных геополитических организаций: **EU** - *die Europäische Union*; **BRIC** – *Brasilien, Russland, Indien, China*

Миграционная волна и связанные с ней геополитические события способствовали возникновению в германоязычных странах новой волны политической аббревиации, которая связана с различными мерами оказания помощи и адаптации мигрантов среди коренного населения: **BAMF** - *Bundesamt für Migration und Flüchtlinge*, **KAIB** *Kommunale Ausländer- und Integrationsbeauftragte*, **GFK** - *Genfer Flüchtlingskonvention*. Наряду с этим возник ряд аббревиатур, обозначающих сокращенное название активного политического движения в Германии, выступающего против исламизации Европы, **PEGIDA** – *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*. Данный акроним повлек за собой возникновение целого ряда аббревиаций, которые связаны с локализацией данного движения, так возникли сокращения **BOGIDA** (Bonn), **BÄRGIDA** (Berlin), **LEGIDA** (Leipzig). *LEGIDA will am Mittwoch auf dem Leipziger Ring marschieren, der Protestroute der Demonstranten im Wendeherbst 1989* [11].

Таким образом, становится очевидным, что политический дискурс, обладая высокой терминологической маркированностью, четкостью, однозначностью, публичностью и в связи с этим определенной интернациональностью, способен породить большое количество терминов-аббревиатур.

Список литературы

1. Винокуров А.М. Новообразования и неологизмы морфологического типа в современном английском языке. // Языковая динамика в синхронии и диахронии. – Тверь, 1993. – С. 10-17.
2. Гревцева Н.В., Донскова О.А., Иванюшина Э.Б. Лингвопрагматические особенности британского женского политического дискурса // Казанская наука. №7. 2019. – Казань, 2019. – С. 72-74.
3. Заболотный К.Ф. Неологизмы в словообразовательной системе английского языка. – Черновцы, 1987. – 16 с.
4. Князев Н.А. Лексические инновации в англоязычном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). – Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2011. – С. 74-77.
5. Мельникова Е.Н. Особенности языковой интеграции в инокультурном социуме // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – Пятигорск, 2018. – С. 78-85.
6. Петренко С.А., Петренко А.Ф., Кузнецова М.С. Лингвистическая амбигуентность в шутливых афоризмах английского языка // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). – С. 48-54.
7. Тарасова Л.А. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке. Автореф. ... канд. дисс. – М., 1991. – 21 с.
8. Elkin V.V., Melnikova E.N., Klyoster A.M. Transformative resources of the terminological internationalization (on the material of German and English). *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019. T. 907. – С. 343-356.
9. <https://www.wordspy.com> (дата обращения: 18.08.2019).
10. <https://www.oed.com/> (дата обращения: 18.08.2019).
11. <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/legida-leipzig-fuerchtet-neues-pegida-a-1013155.html> (дата обращения: 17.08.2019).

10.02.04

Т.Е. Краутман канд. филол. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Симферополь, fhntvrf.ru@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена изучению доминирующих признаков при переводе текста закона с английского языка на русский на грамматическом и лексическом уровнях. Обращается внимание на стилевые характеристики. Определяются основные лексические и грамматические трансформации.

Ключевые слова: *перевод, лексические трансформации, грамматические трансформации, текст закона.*

В последние два десятилетия в области лингвистической науки наблюдается повышенный интерес к изучению юридического текста. Исследователи уделяют внимание различным аспектам, среди которых стилистические характеристики, языковые средства, служащие реализации коммуникативной задачи, доминирующие типологические признаки, степень юридизации текста, эмоциональный оттенок лексики и т.д. При этом подчеркивается огромное значение точности и адекватности интерпретации юридических текстов при переводе с английского языка на русский. Так, анализу стилистических характеристик юридических текстов посвящены работы Н.Ю. Беляевой [3], Л.Р. Исмагиловой [6], Т.Б. Назаровой и Т.В. Толстовой [10], К.А. Дурневой [5], в которых в качестве предмета исследования выступают тексты договоров, контрактов, иные виды деловой документации. Однако в работах не уделяется внимания тексту закона как одному из видов юридического текста.

В юрислингвистике и лингвоюрисдикции, представителями которых являются такие исследователи, как А.С. Киндеркнехт [7], Т.П. Некрасова [11], И.С. Алексеева [1], Н.Д. Голев [4], акцент делается на содержательном аспекте юридического текста, задача которого сохранить информационную составляющую первоисточника и исключить множественность интерпретации. При этом текст закона рассматривается в рамках общих типологических характеристик для всех видов юридических текстов и не подвергается отдельному анализу.

Принимая во внимание, что лингвоюридический анализ текста закона, включающий перевод с английского языка на русский, а также его интерпретацию, является важным источником не только правовой информации или уровня популярности английского языка в сфере делового общения и развития международных отношений, но и показателем разработанности законодательной системы определенного государства, особое значение приобретают исследования профессора А.С. Пиголкина и его школы [12]. Послужившие основой для создания системы языкового оформления правовых норм в сфере отечественной юриспруденции, работы основаны на анализе текста закона с точки зрения реализации его предписывающей функции с помощью определенных средств языка. Применительно к процессу перевода с английского языка на русский, принципы, сформулированные в работе «Язык закона», к которым относятся точность формулировок и терминологии, апробированная система терминов и доступность языка для адресата информации, должны быть направлены на установление эквивалентности текста перевода тексту оригинала. Однако Л.С. Бархударов в работе «Язык и перевод» [2] делает акцент на том, что в процессе перевода сохраняется возможность передачи неполной информации текста оригинала в тексте перевода.

В статьях «Грамматические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский» [8] и «Лексические трансформации при переводе юридического текста с английского языка на русский» [9] отмечается, что эквивалентность текста перевода тексту оригинала может быть достигнута благодаря трансформационному переводу, который предполагает наличие синтаксических и лексических замен. Процесс перевода текста закона основан на сохранении его коммуникативной функциональности во вторичном тексте и избирательности способа описания конкретной ситуации (официально-деловой стиль письменной речи). Коммуникативная задача, состоящая в регулировании отношений между обществом и государством, реализуется средствами типологических характеристик юридических текстов, таких как, полнота и точность информации. При этом необходимо принимать во внимание отличия в двух языковых системах, которые приводят к тому, что ситуативная ориентированность юридического текста продиктована зачастую языковыми реалиями текста оригинала, с одной стороны, и общими для всех юридических текстов лексико-грамматическими особенностями такими, как юридическая терминология, сохраняющая нейтральный оттенок, время и форма глагола, тавтологическая когезия, с другой. Поэтому для достижения эквивалентности текста перевода допускается изменение поверхностной структуры при сохранении глубинной структуры, то есть эквивалентность перевода текста закона с английского языка на русский достигается средствами грамматических и лексических трансформаций.

На основании анализа текста закона острова Мэн «*Terrorism and the Financing of Terrorism*» (2012) и закона «*Anti-terror law*», опубликованном в Турецкой Республике 12 апреля 1991 года, были выделены следующие доминирующие системные признаки текста закона: употребление однозначных юридических терминов, тавтологической когезии, абсолютного настоящего времени глагола, пассивных конструкций, полных синтаксических структур, глаголов со значением модальности, выражающих значение необходимости.

Несоответствие двух языковых систем приводит к необходимости прибегать к грамматическим трансформациям. При переводе текста закона с английского языка на русский часто встречается перестановка частей сложного предложения, при этом прямой порядок слов утвердительного предложения английского языка заменяется коммуникативным членением предложения, свойственным русскому языку. При переводе текста закона обнаруживается изменение порядка следования главного предложения и придаточного, приводящее к замене синтаксической связи (сложноподчиненное предложение становится сложносочиненным), замена формы слова (множественное число указательного местоимения заменяется на единственное число), замена местоимения существительным, замена глагола существительным. Замена членов предложения, как правило, сопровождается перестроением структуры предложения, что вызвано необходимостью точной передачи коммуникативного членения предложения. Английское подлежащее заменяется при переводе на второстепенный член предложения, а второстепенный член предложения в русском языке становится подлежащим. При замене пассивной конструкции английского языка на активную в русском языке употребляется неопределенно-личная конструкция. Среди синтаксических трансформаций сложного предложения при переводе текста закона встречаются замена сложного предложения простым, необходимость антонимического перевода, то есть лексико-грамматическая замена утвердительной конструкции на отрицательную с заменой одного из слов на его антоним.

Среди лексических трансформаций распространенными являются языковая конкретизация, которая приводит к замене слова с широким значением в языке оригинала словом с более узким значением в языке перевода, вызванная отсутствием точного эквивалента; контекстуальная конкретизация, вызванная стилистическими особенностями, стремлением избежать ненужных повторений; компенсация, при которой элементы текста оригинала, содержащие определенную информацию, передаются другими средствами в языке перевода; добавления; опущения слов, которые при переводе становятся семантически избыточными.

Таким образом, при переводе текста закона, представляющим собой высшую степень юридизации, обнаруживаются несоответствия формы и содержания текста оригинала и текста перевода, что приводит к необходимости лексико-грамматических трансформаций. При этом должны учитываться стилевые характеристики языка закона, требующие сохранения точной и лаконичной передачи информации во вторичном тексте.

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева: учеб. пособие. СПб.: СОЮЗ, 2001.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: «Международные отношения», 1975.
3. *Беляева Н.Ю.* Языковые особенности различных видов письменной деловой документации на английском и русском языках / Н.Ю. Беляева // Электронный научно-практический журнал «Молодежный научный вестник». Филологические науки, 2017.
4. *Голев Н.Д.* Правовая коммуникация в зеркале естественного языка / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 6-37.
5. *Дурнева К.А.* Лексико-грамматические особенности перевода договоров и контрактов с английского языка на русский / К.А. Дурнева // Вестник Кемеровского государственного университета. -2014. № 4 (60). С. 155 – 160.
6. *Исмагилова Л.Р.* Грамматические особенности перевода деловой корреспонденции (на материале деловых писем на английском и русском языках экономической направленности) / Л.Р. Исмагилова // Филология и культура. 2013. №1. С. 57 – 61.
7. *Киндеркнехт А.С.* Особенности перевода юридических текстов / А.С. Киндеркнехт // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5 (68). Орел: Изд-во Орловск. гос. ун-та. С. 123 – 127.
8. *Краутман Т.Е.* Грамматические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский / Т.Е. Краутман // Сборник публикаций научного журнала «Globus» «Достижения и проблемы современной науки» Выпуск 7 (40) г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П.: Научный журнал «Globus», 2019. С. 73-76.
9. *Краутман Т.Е.* Лексические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский / Т.Е. Краутман // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал №6 (63)/ 2019. Ч 7. С. 36-38.
10. *Назарова Т.Б., Толстова Т.В.* Грамматика в деловом общении на английском языке: от функции к формам / Т.Б. Назарова, Т.В. Толстова // Вестник СамГУ. – №10/2 (50), 2006. С. 188 – 196.
11. *Некрасова Т.П.* Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. Дис. ... канд. филол. н. Москва, 2013.
12. Язык закона / С.А. Боголюбов, И.Ф. Казьмин, М.Д. Локшина, С.С. Москвин, А.С. Пиголкин и др.; под ред.: А.С. Пиголкин. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.

10.02.04

М.В. Носкова канд. филол. наук, Ю.Н. Карыпкина канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, karypa@mail.ru, noskovamv@mail.ru

ОБРАЗНОЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРИЗНАКА «ГЛУХОЙ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены некоторые результаты исследования образного лексико-семантического поля (далее ОЛСП) признака «глухой» в английском языке. Актуальность исследовательской работы обусловлена малой степенью изученности подобных образных полей, их высокой степенью метафорической активности, особой культурной значимостью в образном языковом отражении.

Ключевые слова: *образная лексика, образное лексико-семантическое поле, метафоризация, доминантный признак «глухой».*

Представленная работа характеризуется научной новизной (в широком плане) – рассмотрением лексико-семантического поля с точки зрения образности в английском языке, (в более узком) – исследованием метафоризации признака «глухой» и структурированием его образного лексико-семантического поля.

Методы и приемы когнитивного и лингвокультурологического анализа, в частности, метод полевого моделирования, позволяют описать в полной мере содержание и структуру ОЛСП признака «глухой» в английском языке.

Используя методику компонентного анализа при отборе лексических единиц в состав поля, мы установили, что выражение признака глухости предполагает наличие в семной структуре слова следующих микрокомпонентов: «не способный слышать»; «не желающий слышать»; «закрытый, без входных отверстий»; «отдаленный, малоизвестный».

Данные семы выступают в значениях лексических единиц поля в различных комбинациях и занимают различное положение в организации их семной структуры. Присутствие одной или нескольких из данных сем в ядерной зоне семной структуры слова явилось критерием отбора этого слова в лексический состав поля с интегральным признаком «глухой». Таким образом, нами было отобрано и проанализировано более 70 лексических единиц.

Анализ показал, что в английском языке исследуемое нами поле составляют как образные, так и необразные мотивирующие единицы, поэтому экстенционал поля в целом так же представляет собой двухплановую структуру. Лексика, представляющая образное воплощение признака «глухой», распределяется по двум уровням.

Первичный, мотивирующий образные наименования план экстенционала поля представлен прямыми исходными лексико-семантическими вариантами следующих лексем: прилагательных, обозначающих различные аспекты свойства «глухости» - *deaf, dumb, toneless, blind* и т.д., а также производных от них существительных, наречий и глаголов – *deafness, to deafen, to stun (ударом), to fail (о двигателе); to die away, to subside (о звуке), to decay, to grow lifeless, to decline* и т.д.

Метафорический план лексической структуры поля «глухой» составляют языковые метафоры (*lonely wood*), собственно образные слова и образные выражения (*to turn a deaf ear to* «пропускать мимо ушей»), метафорически мотивированные единицами исходного уровня поля, признаковой лексемой *deaf*, например: *Their pleas fell on deaf ears* [2].

В ассоциативно-образном компоненте содержания образных слов, мотивированных наименованиями признаков, оказываются выраженными ассоциации с физическими

свойствами ядерного признака. Этот тип ассоциаций включается в толкование образного значения слова посредством модуса фиктивности «как если бы». Ассоциации на уровне физических свойств уподобляемых объектов предполагают также наличие ассоциаций между динамическими проявлениями этих свойств, что в толковании выражается модусом фиктивности «как бы» [1, с. 93].

Например: DEAF (a man, ears, etc.) – образное значение: «отказывающийся слушать, игнорирующий что-либо», ассоциатив образного значения: «как бы ‘неслышащий’»: *They get so strong that they become **deaf** to the needs of the consumer. They raise prices because the competitive atmosphere is not that significant, and they enjoy a prosperity for themselves at the price of what they could be providing to the traveling public as well as the national economy* [2].

INDIFFERENT (a man) - образное значение: «глух к чему-либо», ассоциатив образного значения: «как бы ‘равнодушный, имеющий безразличное отношение к чему-либо, не проявляющий интереса’»: *My name is Logan Pyle. My father is dead, my wife is **indifferent**, and my son is strange. I'm thirty-six years old. My life is nothing like I thought it would be* [2].

INDISTINCT (a sound) – образное значение: «приглушенный», ассоциатив образного значения: «как бы ‘неясный, плохо слышимый’»: *He sat now, rigid, on the edge of his bed. He knew Callie was still in the other room and that she was not really resting and that something was wrong. Through the open window he heard Toni's voice, **indistinct** but with an impatient edge, and he knew Jamie would come looking for Callie soon, and he would have to intercept him* [2].

GOD-FORSAKEN (a place) - образное значение: «глухой, отдаленный, богом забытый», ассоциатив образного значения: «как бы ‘находящийся в отдалении от других мест’»: *The only real cost was transporting the waste way the devil up to this **god-forsaken** place. The rates they offered were so low that four surrounding states supplied their own trucks and drivers. They had so much participation that they filled one of these cells each year* [2].

REMOTE – образное значение: «глухой, заброшенный», ассоциатив образного значения: «как бы ‘отдаленный’»: *She found sanctuary in this **remote** place where she stayed alone for fifteen years* [2].

BLIND (a man) - образное значение: «глух к происходящему», ассоциатив образного значения: «как бы ‘находящийся в состоянии невидения, слепой’»: *Dominic did reject the word - not just for its pretension but because he was genuinely **blind** to it* [2].

FLAT / DULL - образное значение: «приглушенный», ассоциатив образного значения: «как бы ‘плоский, притупленный’»: *If the sound is high-pitched and clear, the pot is as desired. A **dull, flat** sound indicates any of a number of failings in the forming or firing processes* [2].

MUFFLED / TO MUFFLE - образное значение: «приглушить», ассоциатив образного значения: «как бы ‘подавить более громкими звуками’»: *The bell for the end of classes rang at Gihundwe, their father's school, and the students' voices bounced between the buildings, a river of sound **muffled** by the rain* [2].

Метафоризацию признака «глухой» можно обнаружить и на фразеологическом уровне: TO FALL ON DEAF EARS – образное значение: «пропустить мимо ушей, остаться без внимания»: *Arguments that some of the skills practised by pupils are obsolete **fall on deaf ears**, or are heeded only very slowly* [2].

TO TURN A DEAF EAR TO – образное значение: «пропускать мимо ушей», а также в таких выражениях, как: to shut/close your ears to something, not want to know, etc.

Таким образом, описывается экстенционал АОСП метафоризации признака «глухой» и дается характеристика его словарного состава с точки зрения объема и границ поля, а также с точки зрения структурно-семантических связей единиц в пределах лексических группировок.

Далее в зависимости от степени смысловой близости или удаленности значения рассмотренных лексических единиц мотивационно-образной парадигмы от ключевого признака определяется ядерная, околядерная зона поля, его ближняя периферия и дальняя периферия.

В ядерную зону входит лексика, которая в своем прямом или образном значении непосредственно выражает набор семантических компонентов, связанных с определением признака «глухой» в английском языке. Так, среди выделенных единиц ядро составляют лексема *deaf* в своих первичных значениях – «лишенный слуха, неспособный слышать», и её производные в первичных значениях *deaf*, *deafen*, *deafness*. Это объясняется, прежде всего, тем, что все образные единицы, отражающие данный признак и входящие в данное поле, мотивированы от основного физического признака глухоты, как и любая образная единица в языке. То есть, основываясь на данный признак, у людей в их языковой картине складываются образные единицы, несущие в себе данный признак. И путать образное поле с обычными лексико-семантическими полями и их ядерными признаками было бы большой ошибкой, так как специфика ассоциативно-образного ЛСП предполагает несколько иной подход в выборе ядра поля. Единицы образного поля также не ограничиваются и грамматической принадлежностью, так как признак «глухой» не есть только прилагательное, а, в общем, трактуется как некое качество.

Околоядерную зону составляют лексические единицы, в содержании которых актуальны отдельные семантические компоненты первичного значения доминантной лексемы: *indifferent* «равнодушный»; *indistinct* «неясный»; а околоядерное подмножество метафорического уровня поля формируют синонимичные им лексические единицы, а именно абсолютные синонимы, такие как: *inattentive*, *neglectful*, *distant*, *uncertain* и др.

В зону ближней периферии входят лексические единицы, в которых на ядерный признак «наслаиваются» дополнительные семантические компоненты, т.е. доминантный признак начинает варьироваться, выступать в окружении других сем, где значение «глухости» является не главным, например: *god-forsaken* «отдаленный», также *out-of-the-way* «труднонаходимый», *wild* «дикий, заросший» и др.; и единицы, несущие в своем основном значении переносный смысл.

В зону дальней периферии входят слова, в которых признак глухости выражается посредством ассоциаций. Дальняя периферия поля является зоной пересечения с другими ассоциативно-образными лексико-семантическими полями. Например, образное лексико-семантическое поле с доминантным признаком «глухой» тесно связано с АОСП «слепой».

Список литературы

1. Юрина Е.А. Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 156 с.
2. *British National Corpus* [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.06.2019).

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

А.В. Гусейнова канд. филол. наук

Хакасский государственный университет имени Н.Ф.Катанова,
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Абакан, aurika_guseynova@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ХАКАСОВ О ДУШЕ
В ТЕКСТЕ НОВОГО ЗАВЕТА НА ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации традиционных представлений хакасов о душе и духе в переводе Нового Завета на хакасский язык. Автор приходит к выводу, что специфика перевода искомым христианским терминов на хакасский язык связана с тем, что концепция множественности души противоречит христианскому учению.

Ключевые слова: *дух, душа, Новый Завет, хакасский язык.*

Представление о бессмертной человеческой душе является одним из основных предметов христианского вероучения, согласно которому душа есть сотворённая Богом нематериальная, невидимая сущность, которая носит в себе образ и подобие Божие [2]. В русском языке религиозная составляющая термина «душа», которым обозначается внутренний, психический мир человека, трактуется как «сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти» [4, с. 183]. Однако традиционные представления о душе других народов могут существенно отличаться от христианского понимания этого предмета, что порождает определённые сложности в переводе русского слова «душа» на другие языки. В настоящей статье исследуется отражение традиционных представлений хакасов о душе в переводе Нового Завета на хакасский язык.

По мнению авторов монографии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», «разработанность темы «души» в тюркском мире удивительна, но удивление сменяется недоумением, когда убеждаешься, что за одним русским термином кроется целый мир разнохарактерных явлений» [5, с. 53]. В упомянутой работе представлен подробный анализ традиционно описывающих душу тюркских лексем, в числе которых *кут* – общетюркское слово, одним из значений которого в древнетюркском языке было «душа, жизненная сила, дух» [Там же, с. 72]; *тын* («дух», «душа», «жизнь», «дыхание») – одна из важнейших характеристик жизни в тюркской ритуально-мифологической традиции [Там же, с. 80]; *сүр* – «душа-двойник», «привидение», «призрак», но прежде всего – «образ», «изображение», «лицо» [Там же, с. 113]; *сүне* – «душа», свойственная только человеку и живущая после его смерти» [Там же, с. 124] и др.

В.А. Бурнаков, исследуя традиционные представления хакасов о душе, определяет её как комплекс разнообразных психофизических и метафизических характеристик человека. Само понятие *душа* в традиционных представлениях хакасов соответствует общетюркской концепции множественности душ [1, с. 159]. Автор указывает на существование нескольких категорий души, среди которых «*тын* – душа-дыхание, которая находится с человеком до самой его смерти; *хут* – душа живого человека, являющаяся его полной копией; *сюрню* (*сюрюн*) или *сүне* – душа умершего человека» и другие [Там же].

Анализируя хакасский перевод Нового Завета [3], мы рассмотрим, как традиционные хакасские представления о душе преломляются в священном христианском тексте. По словам архиепископа Пимена Хмелевского, «сущность христианского учения о духе, душе и

теле, или, как принято говорить, учения о трихотомии в составе человеческой природы, заключается в признании в естестве человека не только двух основных субстанций — души и тела — но еще и третьего, высоко духовного начала — духа» [7]. На этом основании нами были рассмотрены различные переводы русских слов «душа» и «дух» из текста Нового Завета на хакасский язык.

Проведённый анализ показал, что наиболее часто в исследуемом тексте для перевода искомым русским словам используются хакасские *хут*, *көңні* и *тын*. Согласно хакасско-русскому словарю, «хут (-ды) 1) *религ.* дух (умершего человека); ... 2) *миф.* душа (живого человека)» [6, с. 869]. При помощи этой лексемы переводится на хакасский язык одно из ключевых христианских понятий: *Святой Дух – Худай Худы* (дословно *Душа Бога*): «... и увидел Иоанн *Духа Божия*, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. – ... олох туста Иоанн *Худай Худы* Иисуссар тахырах хус чили түзіп, Агаа одырыбысханын көр салған» (Мф. 3:16).

Для обозначения прислужника дьявола – нечистого духа, беса – также используется лексема *хут*. *Чабал хут* (дословно *злой дух*) в Новом Завете зачастую употребляется как синоним слова *айна* (*чёрт, бес*): «Ибо Иисус сказал ему: выйди, *дух нечистый*, из сего человека. – Иисус агаа теен полған нооза: сых пу кизіден, *чабал хут!*» (Мк. 5:8).

Слово *хут* в Новом Завете может употребляться также и по отношению к человеческой душе. Так, воскрешение дочери Иаира в Евангелии от Луки описывается следующим образом: «И возвратился *дух* её; она тотчас встала, и Он велел дать ей есть. – Хызычахтың *худы* айлан килген, сах андох ол тур килген. Иисус анны азырабызарға чахаан» (Лк. 8:55).

Следует отметить, однако, что в данном отрывке речь идёт о душе, которая уже покинула тело, то есть какое-то время была душой умершего человека, и лишь благодаря божественному вмешательству возвратилась в мир живых. Возможно, именно по этой причине для обозначения этой души используется русское слово *дух* («бесплотное сверхъестественное существо» [4, с. 183]), которое переводится на хакасский язык как *хут*.

Нередко в исследуемом тексте на хакасском языке встречается лексема *көңні*, которая, согласно словарю, переводится на русский язык как «1) желание, стремление, воля;... 2) настроение;... 3) душа, сердце» [6, с. 201-202]. Следует отметить, что в приведённых выше источниках, посвящённых традиционным представлениям хакасов о душе, это слово не упоминается, но в Евангелии активно используется, во-первых, для перевода слова *дух* в значении «внутренняя, моральная сила»: «*Дух* бодр, плоть же немощна. – Кизи *көңні* күстіг, че ит-сөбгі порт» (Мф. 26:41).

Во-вторых, для перевода слов *дух* и *душа* в значении «средоточие чувств»: «И возрадовался *дух* Мой о Боге, Спасителе Моем. – Öринчедір *көңнім* Худайға, Арачылағчыма» (Лк. 1:47).

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей *душою* твоею, и всю крепостию твоею, и всем разумением твоим. – Позыңның Хан Худайына прай чүреенен, прай *көңніңнең*, прай күзіңнең паза прай сағызыңнаң хын» (Лк. 10:27).

Однако чаще для обозначения души живого человека используется слово *тын*, которое в хакасско-русском словаре определяется как «1) дыхание; 2) душа» [6, с. 701]: «Ибо кто хочет *душу* свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет *душу* свою ради Меня, тот сбережет её. – Кем поэңның *тынын* ал халарға итче, ол аны чідір салар. Кем *тынын* Минің үчүн салар, ол аны ал халар» (Лк. 9:24).

В Евангелии от Матфея нам удалось обнаружить пример перевода слова *тын* как *дух*, однако в данном отрывке оно употребляется скорее в первой из своих словарных дефиниций (*дыхание*) в составе устойчивого сочетания *испустить дух*, то есть умереть: «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил *дух*. – Иисус, пазох тың хысхырып, *тынын* сығарыбысхан (Мф. 27:50)».

В большинстве остальных случаев слово *дух* переводится на хакасский язык как *хут*, а слово *душа* – как *тын* или *көңні*. Однако анализ исследуемого текста позволил обнаружить нетипичные варианты перевода искомым понятиям на хакасский язык. К примеру, в

Евангелии от Матфея встречается отрывок, в котором *душа* переводится как *чуртас* (*жизнь*): «*Душа* не больше ли пищи, и тело – одежды? – Сірернің *чуртазыңар* ас-тамахтаң артық нимес пе зе, идінер, тізең, – кип-азахтаң?» (Мф. 6:25).

Можно предположить, что этот вариант перевода выбран потому, что в данном отрывке речь идёт о биологическом существовании и о том, что его поддерживает (пища, одежда). В двух других случаях слово *душа* переводится при помощи соматизмов *чүрек* (*сердце*) и *көксі* (*грудь*), которые считаются местом обитания души в человеческом теле:

«Величит *душа* Моя Господа – Минің *чүреем* Хан Худайны саблапча» (Лк. 1:46).

«И Тебе Самой оружие пройдёт *душу* – Синің дее *көксіңче*, Мария, ачырғас, чітіг хылыс чіли, иртер» (Лк. 2:35).

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что из всего многообразия наименований души в традиционных представлениях хакасов, в Новый Завет вошли только два – *хут*, чаще соответствующий русскому *дух*, и *тын*, чаще соответствующий русскому *душа*. Слово *көңні*, используемое для перевода обоих этих терминов, не упоминается ни в одном из источников, посвящённых традиционным представлениям хакасов о духовных составляющих человека и, по всей видимости, не входит в их число. Концепция множественности душ противоречит христианскому учению, однако им признаётся наличие в естестве человека таких составляющих как *дух* и *душа*. Именно этим, на наш взгляд, объясняется специфика перевода искомым христианских терминов на хакасский язык.

Список литературы

1. Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов о душе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 151-159.
2. Душа человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/dushacheloveka/#i-4>
3. Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом / Наа Молчаг хакас тілбестегнең орыс Синод тілбестее. – Институт перевода Библии. – Москва, 2011. – 1138 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
5. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. –Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 243 с.
6. Хакасско-русский словарь (Хакас-орыс сөстік) / под общ. ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
7. Христианское учение о духе, душе и теле по трудам епископа Феофана и епископа Игнатия Брянчанинова / Стипендиатский отчёт по кафедре Нравственного Богословия преподавателя Московской Духовной Академии кандидата богословия архимандрита Пимена (Хмелевского) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://theophanica.ru/catalog/arhim.Pimen_\(Hmelevskoy\).pdf](http://theophanica.ru/catalog/arhim.Pimen_(Hmelevskoy).pdf)

10.02.19

¹О.А. Донскова канд. филол. наук, ²А.Э. Мирзаханова канд. филол. наук,
³Е.Н. Пронченко канд. педагог. наук

¹Новороссийский филиал ПГУ,
кафедра английского и второго иностранного языков,
Новороссийск, linguafan@mail.ru,
²Пятигорский государственный университет,
институт романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий,
кафедра германистики и межкультурной коммуникации,
Пятигорск, nadya_m1763@yahoo.com,
³Пятигорский государственный университет,
институт романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий,
кафедра испанистики и МК (межкультурной коммуникации),
Пятигорск, pronchenko@pgu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «БРЕКСИТ» В ЕВРОПЕЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа репрезентаций современного геополитического концепта «брексит» в европейском медийном пространстве с целью выявления общих закономерностей формирования полиязычного европейского политического дискурса.

Ключевые слова: *геополитический концепт, брексит, медийный дискурс, политический дискурс, когнитивная модель, репрезентация.*

Термин Брексит (комполит-стяжка «Br (Britain)+exit») означает потенциальный выход Великобритании из Евросоюза и активно продвигается консерваторами при мощной парламентской оппозиции и протестов в обществе. В условиях внутрисоюзного и европейского противостояния этот геополитический термин теряет однозначность и приобретает множество коннотаций и социально-политических ассоциаций. Формируется и развивается геополитический концепт «брексит», описание его структуры и особенностей репрезентации в разноязыковом европейском пространстве и составляют цель настоящей статьи.

Актуальность дискурс-анализа геополитического концепта «брексит» определяется его значимостью не только в Европе, но и мире, необходимостью определения смысловых составляющих концепта, отражающих происходящие в социуме изменения и фиксирующих оттенки настроения политиков и народов.

Новизна исследования состоит в описании структуры концепта «брексит», репрезентированного в европейском (британском, немецком и испанском) медийном дискурсе, установлении его ценностных составляющих, проявляющих сходство в плане семантики и определенную двойственность.

Материалом статьи послужили выступления британских, немецких и испанских политиков, аналитические статьи колумнистов ведущих европейских изданий. Были проанализированы более полутысячи контекстов употребления слова *brexit* и его дериватов в европейском медийно-политическом дискурсе за период с января по июль 2019 года.

Концепт «брексит» представляется как универсальное геополитическое понятие, репрезентированное в различных языковых пространствах, составляющие которого имеют преимущественно отрицательную оценочность. Положительно-оценочная часть репрезентирована в речах и выступлениях британских премьер-министров, шотландских и ирландских политиков, негативная – в речах европейских политиков и большинстве печатных изданий, а также лозунгах демонстрантов.

Базовая лексема рассматриваемого концепта – *brexit* (во всех языках), за несколько лет возникло и несколько дериватов, частотность употребления которых возводит их в ранг неологизмов. Это такие существительные, как *brexiter* или *brexiteer* (англ. и нем.: поддерживающий выход из Евросоюза). В испанском языке им соответствует *brexitero*. Противников брексита именуют *remainers* (остающиеся) [4].

Любопытно, что городской сленг (по данным словаря *Urban Dictionary*) ввёл в оборот отглагольную форму *brexiting*, где не только актуализировано значение «действие», но и его биполярность, или энантиосемия «уходить, но оставаться»: *The act of telling everyone at a gathering (party, meeting), that you are leaving, but actually staying* [11], при этом у слова отмечены и вульгарные коннотации. Новыми словами являются и *Brexageddon* (по аналогии с армагеддоном) – финальная битва за выход из Евросоюза, *flextension* – гибкое продление срока выхода из ЕС.

Сформировался так называемый «*Brexit jargon*» [3], он насчитывает 70 слов и словосочетаний, большая часть которых используется и в других языках, в том числе, в виде калек. Часть из них имеет в своем составе лексемы *brexit*, например, *Brexit bus*, *Brexit day*, *DExEU* (*The Department for Exiting the European Union*); *Brexodus* (*br*)+*exodus*) – выход людей или компаний из страны из-за брексита, *Flextension*, *Soft/Hard Brexit* и другие. Большинство единиц – это двухсловные термины типа *Irish border*, *Backstop plan*.

Анализ показал, что в немецком и испанском дискурсах лексема *Brexit* грамматикализировалась и приобрела категориальное значение мужского рода (*ein Brexit*, *el brexit*), используется и слово *Brexiteer*. Отметим, что в испанских изданиях *brexit* чаще всего пишется в кавычках, более частотными являются перифразы *salir de EU* или *pacto de salida*.

Репрезентациями рассматриваемого концепта являются многочисленные английские и немецкие композиты: *pro-Brexit*, *anti-Brexit*, *Brexit-deal*, *Brexit-Problem* (англ.), *Brexit-Streit*, *Brexit-Befürworter*, *Brexit-Partei-Mitglieder*, *Brexit-Agenda*, *Brexit-Partei*, *Brexit-Partei-Chef*, *Brexit-Plan*, *Brexit-Chaos* (нем.), ‘*pro-Brexit*’ (исп.). Немцы с шутливым опасением говорят о *Dexit* (выход Германии из ЕС).

Брексит изначально мыслился как позитивный патриотичный акт для страны, её освобождение и возвращение независимости, актуализация британской гордости, значимая для всего мира. Эти смыслы составляют онтологическое ядро плана содержания концепта, его положительно-оценочную часть: *Brexit is patriotic*; *The Brexit vote is a turning point*; *voters may shift towards independence*; *withdrawal*; *independence/independent*, *our pride*. Брексит именуется «хорошей сделкой» (*a good deal*): *the UK can still leave the EU with a good deal/ "good deal"*; *the benefits of Brexit*; *campaign for democracy and freedom*; *important to the world*; *Join us to make a historic difference*; *Why the world should support Brexit*; *US would enthusiastically back no-deal Brexit*; *Brexit is more than a British concern*; *After Brexit Canada and the UK will become even closer friends* [12].

Положительные коннотации присутствуют и в шотландском дискурсе: *For Scottish Conservatives, Brexit has been a unifying force*; *Does Brexit make Scottish independence more likely?* [9].

Однако за короткое время сформировалась противоположная, негативная часть концепта, которая репрезентирована в разных языковых пространствах. Позитивных репрезентаций концепта становится всё меньше. Частотное сравнение с дорогой – как выходом, новым путем развития, – сменилось метафорами «развод», «землетрясение» (*divorce*, *earthquake*) [1, 2], последствия брексита трактуются как разрушительные, хаос. Полагаем, что когнитивная сценарная модель концепта британских сторонников брексита «переговоры – выход – независимость» вытеснена иной сценарной схемой, со стороны противников выхода: «сомнения/выбор – страх/угроза – разрушение, хаос».

Отрицательно-оценочными репрезентациями такого геополитического концепта в трёх языках являются лексемы с сильной эмотивной составляющей: страх перед угрозой, разрушениями и беспорядками, напряженное ожидание проблемного выбора и борьбы. Приведем примеры репрезентаций перечисленных смысловых составляющих.

Компонент «сомнения/выбор» представлен лексемами *problem/ Problem/problema, dilemma/Dilemma/dilema, choice, option/ Wahl/opción*. Они часто употребляются в альтернативных или интеррогативных конструкциях. Например, *The Brexit choice is stay or go; British no more: Why some UK citizens face Brexit dilemma* [10]; *Johnsons größtes Brexit-Problem, Brexit-Dilemma, Und was bedeutet die Wahl für den Brexit?* [5]; *La opción de un Brexit; ‘Brexit’: una mala option para Europa; Weicher oder harter Brexit? ¿El Brexit será una salida blanda o dura?* [6].

Отметим терминологические употребления двух антонимичных определений типов брексита: *soft/hard; weicher/harter; duro/blanda*.

Необходимость выбора порождает сомнения и страх, страх перед угрозой. Эти компоненты концепта актуализированы лексемами *risk, fear, afraid; warn, threat, danger* (англ.), *Angst, Furcht, Gefahr, Bedrohung/bedrohen* (нем.), *miedo, temor, amenazar, asustar* (исп.).

Приведём примеры контекстов: *Risk of Brexit, Project fear now masquerades as a discussion of no deal Brexit* [3];

Mit dem Brexit steigt die Angst vor Kriminalität, die Angst in der britischen Autoindustrie; Angst vor Panik; Furcht vor Chaos-Brexit belastet das Pfund; Angst vor Brexit-Wettrüsten, Gefahr eines No-Deal-Brexit wächst-[5];

Miedo al Brexit de los empresarios británicos en España; Brexit: La política del miedo; Brexit:¿Proyecto Miedo?; Los europeos se van del Reino Unido por temor al Brexit; La amenaza del “Brexit” empieza a materializarse [6, 7].

Завершающий компонент когнитивной модели брексита – «хаос и разрушения». Хаос звучит в трех языках почти одинаково – *chaos, Chaos, caos*; а словосочетания *Brexit chaos/Brexit-Chaos/ caos’* del ‘brexit’ стали устойчивыми, используются как термин. Компонент «разрушения» репрезентирован лексемами *catastrophe/catastrophic, disaster; Katastrophe, desastre, dañará, daño, graves secuelas, destrucción*. Приведем контексты репрезентирования данного компонента:

The only way to stop the catastrophe of a no-deal Brexit; Why a no-deal Brexit is catastrophic for British farming; a ‘no deal’ exit will “inevitably cause disruption”; universities hit by Brexit; The clock must be stopped on Brexit to prevent this disaster; the country is braced for damage and destruction [3, 4];

So fit sind deutsche Firmen für den Chaos-Brexit; Chaostage in London; Harter Brexit wäre “Katastrophe” [8];

Un ‘brexit’ desordenado dañará “especialmente” al sector del automóvil español; Las graves secuelas del ‘brexit’; la “gran lección” del ‘brexit’ es que ha situado al Reino Unido en “un callejón sin salida” [6, 7].

В настоящее время геополитический концепт «брексит» продолжает своё формирование, его компоненты получают всё новые репрезентации в европейских языках, обыгрываются в прессе, демонстрируя противоборство сторон и актуализируясь в новых смыслах и оценках. Дальнейшее исследование позволит выявить универсальные тенденции развития биполярных геополитических концептов, способов их репрезентаций в европейском медийном дискурсе, закономерности полиязычного политического дискурса в целом.

Список литературы

1. *Донскова О.А.* Семантический анализ геополитических понятий Brexit и Выход в английском и русском языках // Университетские чтения-2018. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Часть VIII. Пятигорск: ПГУ, 2018. С.46-51.
2. *Кауштанова И. И., Бирюкова О. А., Давыдова Е. А.* Концепт Brexit в современном англоязычном медиадискурсе// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 10(88). – Ч. 2. – С. 295-299.
3. *BBCnews*. URL: <https://www.bbc.com/news/> (дата обращения: 03-06.2019).
4. *BrexitCentral*. URL: <https://brexitcentral.com/> (дата обращения: 05.06.2019)
5. *Die Zeit*. URL: <https://www.zeit.de/index> (дата обращения: 15.06.2019).
6. *El Mundo*. URL: <https://www.elmundo.es/> (дата обращения: 08.06.2019).
7. *El Pais*. URL: <https://elpais.com/> (дата обращения: 10.01-10.06.2019).
8. *NTV*. URL: <https://www.n-tv.de/politik> (дата обращения: 05.06.2019).
9. *Scottish Government*. URL: <https://www.gov.scot/brexit/> (дата обращения: 15.05.2019).
10. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 05.06.2019).
11. *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 05-06.2019).
12. *W4B. World for Brexit*. URL: <https://w4b.world/> (дата обращения: 05.06.2019).

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Е.В. Асмолова, М.А. Волхонская, С.С. Терехова
ПСИХОЛОГИЗМ ТОПОСА В РОМАНЕ
АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «НЕНАСТЬЕ»

Ключевые слова: Алексей Иванов, «Ненастье», пейзаж в литературе, инициация.

В работе рассматривается функциональное значение пейзажа для композиции романа Алексей Иванова «Ненастье». В ходе исследования делается вывод о том, что пейзажи в романе семантически бывают двух видов: реального (Батыев) и ирреального (Афганистан и Индия), а также рассматривается совершенно особое значение леса для всего творчества писателя, в котором лес выступает как особое пространство инициации героев.

E.V. Asmolova, M.A. Volkhonskaya, S.S. Terekhova
PSYCHOLOGISM OF A PLACE IN ALEXEY IVANOV'S
NOVEL "NENAST'YE"

Keywords: Alexey Ivanov, "Nenast'ye", a landscape in literature, initiation.

The functional significance of a landscape for the composition of the novel by Alexey Ivanov "Nenast'ye" is considered in the article. During the research the conclusion is being made that semantically landscapes in the novel can be of two types: real (Batuyev) and unreal (Afghanistan and India). Besides, the particularly special significance of a forest for all works of the writer is being taken into account too, where the forest is a special space of the heroes' initiation.

М.Д. Веслополова
ХРОНОТОП РАЙСКОГО САДА
В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 1850-1870-Х ГГ.

Ключевые слова: хронотоп, антитеза земного и небесного, горизонтальная организация пространства.

В статье рассмотрены характеристики хронотопа райского сада в лирике Ф. И. Тютчева на примере стихотворений «Пошли, Господь, свою отраду...», «Как ни дышит полдень знойный...», «Пламя рдеет, пламя пышет...». Пространство этих текстов построено на основе антитезы небесного и земного, однако организовано горизонтально. Это объясняется его мнимым характером, существованием на границе между реальностью и сном.

M.D. Veslopolova
CHRONOTOPE OF THE GARDEN OF EDEN IN
F. I. TYUTCHEV'S LYRIC OF THE 1850-1870-ES.

Keywords: chronotope, antithesis of heaven and earth, horizontal organization of space.

The article discussed the features of the chronotope of the Garden of Eden in several F. Tyutchev's poems. The space of these texts is built on the basis of the antithesis of heaven and earth, but it has a horizontal organization. The space of the Garden of Eden turns out to be unreal, it exists on the border between reality and dream.

С.Ф. Меркушов
АБСУРДИСТСКАЯ ПРИРОДА ЦИКЛА
Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ПОГРАНИЧНЫЕ СКАЗКИ ПРО
КОТЯТ»

Ключевые слова: Л.С. Петрушевская, «Пограничные сказки про котят», абсурд, ОБЭРИУ.

В статье представлена трактовка художественных особенностей цикла Л.С. Петрушевской «Пограничные сказки про котят» как некоего «семантического эксперимента» (термин А.Г. Герасимовой), специфика которого в переосмыслении и трансляции открытий творческого объединения ОБЭРИУ в новой своеобразной художественной форме.

S.F. Merkushev
THE ABSURDIST NATURE OF THE CYCLE OF
L.S. PETRUSHEVSKAYA "THE BORDER TALES ABOUT
KITTENS"

Keywords: L. S. Petrushevskaya, "Border tales about kittens", absurdity, OBERIU.

The article presents the interpretation of the artistic features of L. S. Petrushevskaya's cycle "Border tales about kittens" as a kind of "semantic experiment" (the term of A.G. Gerasimova), the specificity of which is in the rethinking and translation of the discoveries of the creative Association of OBERIU in a new kind of artistic form.

С.Ф. Меркушов
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МИРОВ «ЗАГАДОЧНЫХ СКАЗОК»
Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ: ДЕТСКИЙ МИР
КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ, ВЗРОСЛЫЙ МИР КАК АБСУРД

Ключевые слова: Л.С. Петрушевская, «Загадочные сказки», детский мир, взрослый мир.

В статье предлагается трактовка «Загадочных сказок» Л.С. Петрушевской с точки зрения амбивалентной специфики их художественного пространства, структурно и содержательно рассматриваемого как взрослый и детский миры. Доказывается гипотеза о том, что детский мир представлен в них как целостность, взрослый — как хаос и абсурд.

S.F. Merkushev
THE AMBIVALENCE OF THE WORLDS "MYSTERIOUS
TALES" BY L.S. PETRUSHEVSKAYA: CHILDREN'S
WORLD AS A COMPLETE, ADULT WORLD AS ABSURD

Keywords: L.S. Petrushevskaya, "Mysterious tales", children's world, adult world.

The article offers the interpretation of "Mysterious fairy tales" by L.S. Petrushevskaya from the point of view of the ambivalent specificity of their artistic space, structurally and substantively considered as an adult and children's worlds. The hypothesis that children's world is presented in them as integrity, adult — as chaos and absurdity is proved.

Хэ Фань
СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ БАНАЛЬНОЙ РИФМЫ «ТЕНЬ-
ДЕНЬ» В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (К ВОПРОСУ О
ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ МОТИВНО-
ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ СТИХОТВОРЕНИЯ «НАПОЛЕОН»)

Ключевые слова: рифма, смысловая функция, Наполеон, Лермонтов, тень, день.

Статья посвящена изучению важного историко-литературного феномена: смысловой функции банальной рифмы «тень-день» в лирике М.Ю. Лермонтова. Автор статьи указывает на связь романтической поэзии М.Ю. Лермонтова с произведениями А.С. Пушкина и Дж. Байрона на мотивно-образном, композиционном, смысловом и идейном уровнях, выделяет

He Fan
SEMANTIC FUNCTION OF TEN'-DEN' (SHADE-LIGHT)
RHYMES IN LERMONTOV'S LYRICS (FOR THE ARTISTIC
FEATURES OF MOTIVE-IMAGERY SYSTEM OF THE
«NAPOLEON» POEM)

Keywords: rhyme; semantic function; Napoleon; Lermontov; shade; light.

The article «Semantic function of ten'-den' (shade-light) banal rhymes in Lermontov's lyrics (for the artistic features of motive-imagery system of the «Napoleon» poem)» aims to reveal semantic functions of ten'-den' (shade-light) banal rhymes which are commonly used in his lyrics. For the most part the author analyzes the artistic features of the «Napoleon» poem (1830) and

важнейшие функции рифмующихся слов «тьень» и «день» в стихотворении «Наполеон» и их основные значения. Данная статья отличается новизной и актуальностью, поскольку исследование функций рифм в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова принимается в мировом лермонтоведении впервые и способствует углублению идейно-смыслового понимания лирики поэта.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Р.Н. Зигитбаев, Д.А. Зайцев,
Л.Р. Валияхметова, Э.Р. Шаяхметова, Р.Ф. Рахимова,
Е.А. Селиванова, Д.Д. Саидова
ВКЛАД ЧЛЕНА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР
А.Г. ШАМАЕВА В РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ
БАШКОРТОСТАНА

Ключевые слова: журналист, кумыс, газета, здоровый образ жизни.

Член Союза журналистов СССР, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации и Башкирской АССР, организатор здравоохранения Амир Габрахманович Шамаяев написал 14 книг и более 2500 научных статей, которые опубликованы во всех республиканских журналах и газетах, большая часть которых посвящена курортологии, кумысолечению, здоровому образу жизни.

Е.Т. Чамзырын
ТВОРЧЕСТВО ТУВИНСКОГО ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ
Э. КЕЧИЛ-ООЛА

Ключевые слова: тувинская детская литература, стихи и проза Э. Кечил-оола, народные традиции тувинцев, мир детства. В данной статье рассматривается творчество известного детского прозаика и поэта Э. Кечил-оола, внесшего значительный вклад в тувинскую литературу. В работе проанализирована основная направленность стихотворных и прозаических произведений писателя. В них в зависимости от возраста ребенка даются представления об окружающем мире, решаются задачи нравственного воспитания современного ребенка.

Ю.В. Шуйская
СТРУКТУРА ДИСКУРСА РАЗВЕРНУТОЙ АННОТАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ О КИНО

Ключевые слова. Пресса, журналы о кино, кинофильм, структура текста, анонс фильма, аннотация.

Статья посвящена жанру аннотации кинофильма, предназначенной для потенциального зрителя. Аннотации – анонсы кинофильмов, помещаемые в периодических изданиях, а также на сайтах этих изданий, предопределяют решение зрителя – собирается ли он смотреть данный фильм, думает ли посетить киносеанс и пр. Схемы макрокогезии, используемые в данном случае, определяются общей направленностью и политикой издания и чаще тяготеют к варианту радиальной схемы со смысловым центром в виде жанровой характеристики и основных особенностей анонсируемого фильма.

Л.К. Байрамова
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОДЫ ОБРАЗНЫХ
КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О РОДИНЕ

Ключевые слова: лингвокультурологический, родина, чужбина, образ, код, фразеологизм, семейный (фамильный).

В статье анализируется семейный (фамильный) код образных компонентов русских, татарских, английских, немецких и французских фразеологизмов о родине / чужбине, устанавливаются сходства и различия в культурном осмыслении образов.

discusses the meaning of ten'-den' (shade-light) rhymes in Lermontov's poems, based on the romantic literary tradition and focused on Byron's and Pushkin's poetry. The author points out the genetic links between Byron's and Lermontov's poetry and Pushkin's and Lermontov's lyrics and asserts such similar elements as water and death motives. Analysis of texts of the poems allows to reveal the functions of ten'-den' (shade-light) rhymes in creating of artistic system of Lermontov's «Napoleon» poem: depiction of world of nature and controversy of Napoleon's character.

A.U. Kinyabulotov, S.G. Aksenov, R.N. Zigitbaev, D.A. Zaitsev,
L.R. Valiakhmetova, E.R. Shayakhmetova, R.F. Rakhimova,
E.A. Selivanova, D.D. Saidova
CONTRIBUTION OF THE MEMBER OF THE UNION OF
USSR JOURNALISTS A.G. SHAMAYEVA IN
DEVELOPMENT OF JOURNALISM OF BASHKORTOSTAN

Keywords: journalist, koumiss, newspaper, healthy lifestyle. Member of the Union of Journalists of the USSR, Candidate of Medical Sciences, Honored Doctor of the Russian Federation and the Bashkir ASSR, health organizer Amir Gabrahmanovich Shamayev has written 14 books and over 2500 scientific articles, which are published in all republican journals and newspapers, most of which are devoted to balneology, kumisootherapy, and a healthy way of life.

E.T. Chamzirin
THE CREATIVITY OF TUVAN CHILDREN'S WRITER
E. KECHIL-OOLA

Keywords: Tuvan children's literature, poetry and prose of E. Kechil-ool, the folk traditions of Tuvans, the world of childhood. This article discusses the work of the famous children's prose writer and poet E. Kechil-ool, who made a significant contribution to Tuvan literature. The paper analyzes the main direction of the writer's poetic and prose works. In them, depending on the age of the child, are given ideas about the world, are solved the problems of moral education of the modern child.

Yu.V. Shuyskaya
DISCOURSE STRUCTURE OF AN EXTENDED
ANNOTATION ON THE EXAMPLE OF THE MOVIE
PERIODICA

Keywords. Press, film magazines, motion picture, text structure, film announcement, abstract.

The article is devoted to the genre of film annotation, intended for a potential audience. Annotations – announcements of films placed in periodicals, as well as on the websites of these publications, determine the decision of the viewer whether he is going to watch this film, whether he plans to attend a film show, etc. The macrocohesion schemes used in this case are determined by the general orientation and policy of the publication and more often gravitate to a variant of the radial scheme with a semantic center in the form of a genre characteristic and the main features of the announced film.

L.K. Bairamova
THE LINGUACULTURAL CODES OF THE PICTURESQUE
COMPONENTS OF IDIOMS ABOUT NATIVE COUNTRY

Keywords: linguacultural, native country / foreign country, figure, code, idiom, family.

The article analyses the family code of figural components of Russian, Tatar, English, German and French idioms about the native country / foreign, determines the conformity and difference in cultural sense of idioms figure.

Н.А. Бурмакина, А.Д. Гончарова, Н.А. Карелина,
О.С. Хлякин

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА В
РЕЧИ СТОМАТОЛОГА**

Ключевые слова: коммуникативные качества речи, ясность речи, выразительность речи, функциональные коммуникативные качества, речь стоматолога.

Авторы статьи проводят анализ функциональных коммуникативных качеств речи стоматолога в процессе беседы с пациентом, ребенком 13 лет. Исследование ориентировано на теорию Б.Н. Головина о лингвистическом осмыслении качества хорошей речи. Работа учитывает идеи функционального подхода к описанию таких качеств, как логичность, точность, доступность, ясность, уместность и выразительность речи.

Б.Б. Базарова, Н.А. Бокхач

ОБРАЩЕНИЕ К КОРПУСУ В КУРСЕ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: корпусная лингвистика, электронный корпус, Национальный корпус русского языка, английский язык, практика перевода.

Статья посвящена корпусному подходу в лингвистических исследованиях. В работе обращается внимание на возможность обращения к корпусному материалу при обучении переводу. В качестве примера используется Национальный корпус русского языка.

Н.В. Гревцева, Н.А. Князев, Е.Н. Мельникова
**АББРЕВИАТУРЫ-ИННОВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И
НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Ключевые слова и фразы: политический дискурс, аббревиация, словослияние, структура, этимология.

В статье представлены результаты исследования структуры и семантики новых лексических сокращений в английском и немецком политическом дискурсе.

Т.Е. Краутман

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ЗАКОНА
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Ключевые слова: перевод, лексические трансформации, грамматические трансформации, текст закона.

Статья посвящена изучению доминирующих признаков при переводе текста закона с английского языка на русский на грамматическом и лексическом уровнях. Обращается внимание на стилевые характеристики. Определяются основные лексические и грамматические трансформации.

М.В. Носкова, Ю.Н. Карыпкина
**ОБРАЗНОЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРИЗНАКА «ГЛУХОЙ» В
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: образная лексика, образное лексико-семантическое поле, метафоризация, доминантный признак «глухой».

В работе представлены некоторые результаты исследования образного лексико-семантического поля (далее ОЛСП) признака «глухой» в английском языке. Актуальность исследовательской работы обусловлена малой степенью изученности подобных образных полей, их высокой степенью метафорической активности, особой культурной значимостью в образном языковом отражении.

А.В. Гусейнова

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ХАКАСОВ О ДУШЕ В ТЕКСТЕ НОВОГО ЗАВЕТА
НА ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: дух, душа, Новый Завет, хакасский язык.

Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации традиционных представлений хакасов о душе и духе в переводе

N.A. Burmakina, A.D. Goncharova, N.A. Karelina,
O.S. Khlyakin

**FUNCTIONAL COMMUNICATION QUALITIES IN THE
DENTIST'S SPEECH**

Keywords: communicative qualities of speech, clarity of speech, expressiveness of speech, functional communicative qualities, speech of the dentist.

The authors analyze the functional communicative qualities of the dentist's speech during the conversation with the patient, a 13-year-old child. The study is focused on the theory of B.N. Golovin on the linguistic understanding of the qualities of good speech. The work takes into account the ideas of a functional approach in the description of such qualities as logic, accuracy, accessibility, clarity, relevance and expressiveness of speech.

B.B. Bazarova, N.A. Bokhach

CORPUS APPROACH IN THE COURSE OF TRANSLATION

Keywords: Corpus Linguistics, corpus, National Corpus of Russian, English, translation, theory and practice.

This paper touches upon corpus studies in linguistic research. The authors draw attention to the use of corpora in teaching translation. National Corpus of Russian is addressed to illustrate corpus approach

N.V. Grevtseva, N.A. Knyazev, E.N. Melnikova
**INNOVATIVE ABBREVIATIONS IN ENGLISH AND
GERMAN POLITICAL DISCOURSE**

Keywords and phrases: political discourse, abbreviation, blending, structure, etymology.

The article presents the results of a structural and semantical analyses of new lexical compressions in English and German political discourses. The political discourse is marked by the large number of new abbreviations the majority of which are represented in both languages.

T.E. Krautman

**LEXIC-GRAMMATIC TRANSFORMATIONS AT
TRANSLATION OF TEXT OF LAW
FROM ENGLISH TO RUSSIAN**

Keywords: translation, lexical transformations, grammatical transformations, text of the law.

The article is devoted to the study of dominant features in the translation of the text of the law from English into Russian at the grammatical and lexical levels. Attention is drawn to the style characteristics. The basic lexical and grammatical transformations are determined.

M.V. Noskova, Yu.N. Karypkina
**FIGURATIVE LEXICAL-SEMANTIC FIELD WITH THE
DOMINANT SEMANTIC SIGN "DEAF" IN THE ENGLISH
LANGUAGE**

Keywords: figurative words, figurative lexical-semantic field, metaphorization, dominant semantic sign "deaf".

The paper presents the results of a study of the figurative lexical-semantic field with the dominant semantic sign "deaf" in the English language. The relevance of the research is due to the low degree of knowledge of such figurative fields, their high degree of metaphorical activity, and special cultural significance in figurative language reflection.

A.V. Guseinova

**REFLECTION OF TRADITIONAL VIEWS OF THE
KHAKASS PEOPLE ABOUT THE SOUL IN THE TEXT OF
THE NEW TESTAMENT IN THE KHAKASS LANGUAGE**

Keywords: spirit, soul, New Testament, Khakass language.

The article is devoted to the study of the features of the representation of traditional ideas of the Khakass people about

Нового Завета на хакасский язык. Автор приходит к выводу, что специфика перевода искомым христианским терминов на хакасский язык связана с тем, что концепция множественности души противоречит христианскому учению.

О.А. Донскова, А.Э. Мирзаханова, Е.Н. Пронченко
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА
«БРЕКСИТ» В ЕВРОПЕЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова и фразы: геополитический концепт, брексит, медийный дискурс, политический дискурс, когнитивная модель, репрезентация.

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа репрезентаций современного геополитического концепта «брексит» в европейском медийном пространстве с целью выявления общих закономерностей формирования полиязычного европейского политического дискурса.

the soul and spirit in the translation of the New Testament into the Khakass language. The author comes to the conclusion that the specificity of translation of the sought Christian terms into the Khakass language is connected with the fact that the concept of plurality of souls contradicts the Christian teaching.

O.A. Donskova, A.E. Mirzakhanova, E.N. Pronchenko
REPRESENTATION OF THE GEOPOLITICAL CONCEPT OF
BREXIT IN EUROPEAN MEDIA DISCOURSE

Keywords and phrases: geopolitical concept, Brexit, media discourse, political discourse, cognitive model, representation. The article presents the results of a comparative analysis of the representations of the modern geopolitical concept of "Brexit" in the European media space with the purpose of revealing regularities of a multilingual European political discourse formation.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№8 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 06.09.2019   Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 06.09.2019

3,6 усл.печ.л. 4,3 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 2930.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»